

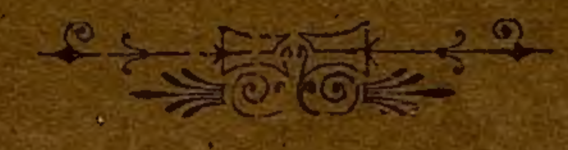
ХЕРСОНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

Дирекція покорнѣйше проситъ г.г. читателей:

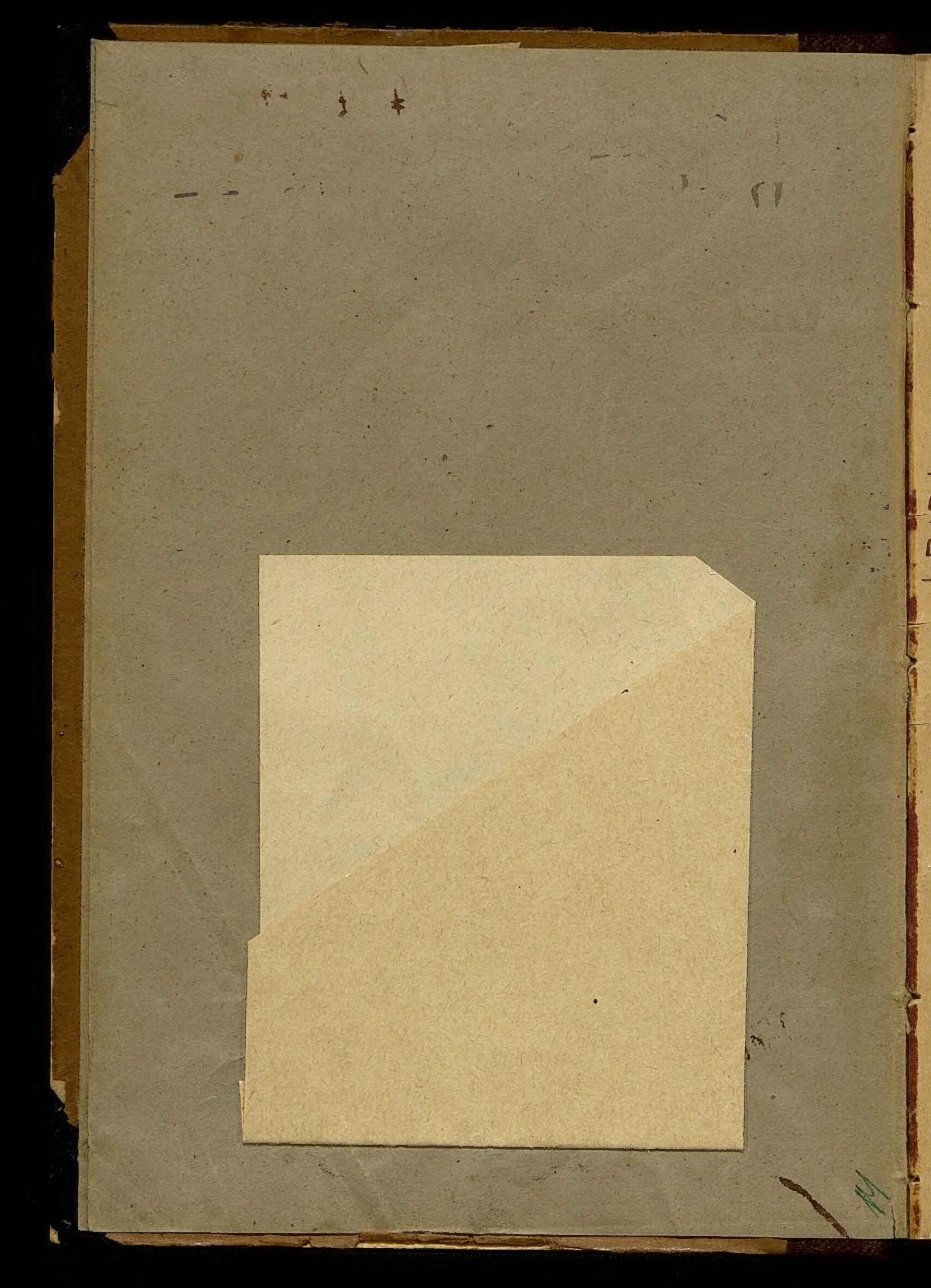
а) Обращаться съ книгами, составляющими общее достояніе по возможности бережно.

б) При требованіи книгъ писать на карточкахъ нѣсколько номеровъ, обозначая при этомъ и отдѣлъ.

в) Во избѣжаніе недоразумѣній, случающихся при взысканіи библіотекаремъ штрафа за порчу книгъ,—просматривать таковые при полученіи ихъ въ чтеніе.

1944 г.

О. Н. ПОПОВА

СЕВАСТОПОЛЬ И ЕГО ОБОРОНА

1854—1855 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ЕГО ЗАЩИТНИКОВЪ

Не свѣтъ опасенъ, а опасна тьма! Духа не угашайте, изрекъ Апостолъ.

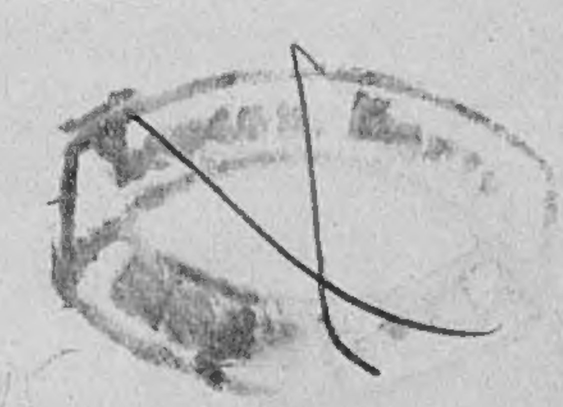
М. Погодинъ.

Умъ и руки рабовъ неспособны къ порожденію народнаго богатства. Свобода, просвѣщеніе, собственность и правосудіе — суть существенные и единственные источники онаго.

Дайте свободу мысли, рукамъ, всѣмъ духовнымъ и тѣлеснымъ качествамъ человѣка, предоставьте всякому быть тѣмъ, чѣмъ его Богъ сотворилъ, и не отнимайте то, что кому природа особенно даровала. Мѣра свободы есть мѣра пріобрѣтаемаго богатства.

Графъ **Н. С. Мордвиновъ.**

СЪ 5-Ю РИСУНКАМИ И ДВУМЯ КАРТАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО О. Н. ПОПОВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 54.—1905 г.

Дозволено цензурою. Спб., 28 апрѣля 1905 г.

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

Переживаемые и пережитые за прошлый годъ тяжелые дни кровавой войны заставляютъ невольно вспомнить тяжелую годину Севастопольской обороны. Часто, говоря о Портъ-Артурѣ, мы слышимъ слово: севастопольцы. Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ происходила кровавая эпопея Крымской войны; гремѣли пушки подъ Севастополемъ, и русскій народъ выносилъ на своихъ плечахъ тяжелую, несчастную войну, какъ выноситъ ее и теперь, сражаясь съ японцами. И тогда ярко выступалъ героизмъ отдѣльныхъ лицъ и массовый героизмъ, какъ выступаетъ онъ и теперь, когда поля Манчжуріи залиты русскою кровью. Всюду, по всей странѣ, горячими слезами оплакивали защитниковъ отечества, начиная отъ палатъ каменныхъ и до послѣдней убогой избушки.

Вспомнимъ событія, происходившія пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на югѣ Россіи, на берегахъ чуднаго края, богато одареннаго природою, омытаго синими водами Чернаго моря. Почтимъ память подвижниковъ земли русской, великихъ по принесеннымъ жертвамъ, многострадальныхъ по тѣмъ лишеніямъ, которыя испытывалъ русскій солдатъ, благодаря недостаточной заботливости о его нуждахъ. Мы и тогда не были подготовлены къ войнѣ, хотя ожидали ее, а законъ исторіи не знаетъ жалости. Какъ бы ни боролись люди, какъ бы ни страдалъ человѣкъ, событія слѣдуютъ неотвратимо одно за другимъ; они создаются на-

слѣдіемъ прошлаго, которое связано неразрывною цѣпью съ современной исторической жизнью народовъ. Вѣсы удачи склоняются то въ одну, то въ другую сторону, но перевѣсъ всегда тамъ, гдѣ больше культуры, больше просвѣщенности, больше энергіи въ общественной жизни. Тяжелые уроки, купленные дорогой цѣной, открываютъ глаза на многое. Пусть только они не пропадутъ даромъ, пусть они не забываются, пусть учатъ насъ жить лучше, понимать жизнь и въ единеніи стремиться къ полезной, мирной работѣ, къ просвѣщенію и самодѣятельности.

I.

Какъ началась Крымская война.

Для того, чтобы вполнѣ ясно понять причины, вызвавшія столь тяжелую для Россіи Крымскую войну, надо возвратиться къ началу XIX столѣтія и упомянуть объ одномъ очень важномъ событіи того времени, о Священномъ Союзѣ между тремя европейскими государствами. Европа, потрясенная до основанія волненіями народныхъ массъ, а затѣмъ войнами, жаждала отдыха и мира. Отважный завоеватель въ лицѣ Наполеона I нанесъ ей слишкомъ тяжелыя потери. Исключительныя воинскія способности Наполеона I создали вокругъ него ореолъ славы великаго полководца, постоянныя побѣды возвеличили его въ глазахъ своего народа; подымаясь все выше и выше, онъ изъ простого артиллерійскаго офицера сдѣлался императоромъ французовъ. Вся Европа преклонялась передъ нимъ, и царственный австрій-

скій домъ породнился съ гордымъ побѣдителемъ, выдавъ за него замужъ дочь императора Франца Марію-Луизу. Наполеонъ торжествовалъ, но возвеличеніе его наносило страшный ударъ самолюбію наслѣдственныхъ монархій. Когда самонадѣянный планъ Наполеона побѣдить и Россію сломилъ его могущество, и французы были изгнаны изъ предѣловъ нашего отечества, государи Европы образовали союзъ съ цѣлью бороться за неприкосновенность своихъ государствъ. Мысль о такомъ союзѣ подалъ императоръ Александръ I, на долю котораго выпала слава умиротворителя Европы послѣ окончанія войны 1812 года. Онъ давно уже мечталъ о соединеніи узами братства всѣхъ христіанскихъ государствъ для того, чтобы препятствовать возникновенію кровопролитныхъ войнъ, которыя являлись источникомъ ужасныхъ бѣдствій для человѣчества. Цѣлью союза, слѣдовательно, было утвержденіе всеобщаго мира и благоденствія народовъ; средствомъ—тѣсный союзъ государей для оказанія взаимной помощи на великихъ началахъ евангельской любви.

Актъ Священнаго Союза былъ написанъ рукою русскаго государя и переданъ имъ лично для подписи тѣмъ, которыхъ онъ считалъ своими вѣрными друзьями и сотрудниками въ дѣлѣ освобожденія народовъ: императору австрійскому и королю прусскому. Три монарха обязывались подчинять свои дѣйствія высокимъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя“, и по отношенію другъ къ другу блюсти заповѣди святой вѣры заповѣди любви, правды и мира. Но такія высокія стремленія легче изложить на бумагѣ, чѣмъ провести въ жизнь. Съ тѣхъ поръ прошло около столѣтія (Священный Союзъ былъ подписанъ 15 сент. 1815 г.), и все такъ же враждуютъ народы и еще ужаснѣе, чѣмъ въ то время, кровопролитныя войны, которыя ведутся по но-

вѣйшимъ способамъ истребленія людей. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ государствъ основываются не на любви и братствѣ, а на силѣ, ловкости и коварствѣ. Создать равновѣсіе между интересами этихъ государствъ требуетъ высшаго напряженія матеріальныхъ и духовныхъ силъ отдѣльныхъ народовъ. Планъ императора Александра I, несмотря на высокія чувства самоотверженія, которыми руководился государь, долженъ былъ потерпѣть неудачу. Главный министръ Австріи, князь Меттернихъ, сразу высказался противъ союза, указывая на странность договора между тремя государствами, изъ которыхъ одно было православное, другое исповѣдывало католическую вѣру, а третье—протестантскую. Если императоръ австрійскій и король прусскій и подписали актъ Священнаго Союза, то лишь потому, что боялись прогнѣвить русскаго императора; они считали этотъ актъ пустою выдумкою черезчуръ пылкаго религіознаго увлеченія, а не серьезнымъ государственнымъ постановленіемъ. Между тѣмъ русскіе государи, Александръ I и Николай I, относились къ этому постановленію со всею страстью искренно убѣжденныхъ людей, и въ продолженіе сорока лѣтъ всѣ дѣйствія русскаго правительства основывались именно на условіяхъ, выраженныхъ въ актѣ Священнаго Союза. Вѣнскій и прусскій дворы, получая всѣ выгоды отъ такого положенія вещей, не считали себя обязанными исполнять подписанный договоръ. Такое различное пониманіе вызвало цѣлый рядъ недоразумѣній, которыя и привели къ очень печальнымъ послѣдствіямъ.

Николай I поддерживалъ иностранныя государства въ ихъ борьбѣ съ непокорными подданными, всегда защищая законное правительство, а когда ему понадобилась помощь своихъ союзниковъ, они не только не помогли ему, но даже встали во враждебное отношеніе къ рус-

скому правительству. Другія европейскія государства не могли простить Россіи то выдающееся положеніе, которое она заняла послѣ побѣды надъ Наполеономъ I и умиротворенія Европы. Враждебное отношеніе русскаго правительства ко всякому проявленію свободолюбивыхъ стремленій народовъ, побороть которое оно всегда было готово силою своего оружія, вызвало противъ Россіи недовольство передовыхъ націй, Франціи и Англіи; къ нимъ примкнули Австрія и Пруссія. Всѣ усилія русскихъ дипломатовъ сохранить хорошія отношенія съ европейскими государствами не увѣнчались успѣхомъ и жертвы, принесенныя честному исполненію договора Священнаго Союза, оказались напрасными. Недоставало только повода для того, чтобы загорѣлась война; этотъ поводъ подала Турція, которая, видя, что Европа враждуетъ съ Россіей, не пожелала подчиниться требованіямъ императора Николая, отказавшись отъ исполненія договора, въ силу котораго Россіи принадлежало покровительство православной вѣрѣ и ея послѣдователямъ на всемъ пространствѣ турецкихъ владѣній.

Турція не ошиблась въ своихъ разсчетахъ; Англія прежде всего обнадежила ее заступничествомъ, рѣшивъ поддержать султана и склонить къ такому же дѣйствію и Францію. Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Англія заняла по отношенію къ Турціи то положеніе, которое прежде занимала Россія. Англійскій министръ Пальмерстонъ вмѣшивался въ управленіе Турціей и подавалъ совѣты султану въ дѣлахъ преобразованій и улучшеній быта страны и положенія его христіанскихъ подданныхъ, указывая на то, что султанъ долженъ уничтожить всякія преимущества между послѣдователями различныхъ христіанскихъ религій. Этимъ уже былъ нанесенъ большой ударъ самолюбію Россіи.

„Много причинъ совокупно содѣйствовали упадку зна-

ченія Россіи на Востокѣ",—говоритъ С. Татищевъ.—„Наша полная немощность обнаружилась въ ту самую минуту, когда русскій императоръ, поборовъ всемірную революцію, былъ единогласно признанъ на Западѣ могущественнымъ щитомъ и опорой монархическихъ началъ и законнаго порядка".

Императоръ Николай не задавался цѣлями завоевательными, но онъ твердо рѣшился поддерживать то, что считалъ своимъ правомъ, полагая, что и другія державы останутся вѣрными основамъ Священнаго Союза, который долженъ былъ охранять ихъ безопасность. Глубоко убѣжденный въ божественномъ происхожденіи верховной своей власти, государь и въ чужеземныхъ монархахъ видѣлъ государей, Божьею милостью тѣсно связанныхъ между собою своимъ высокимъ служеніемъ и узами братскаго Священнаго Союза. Поэтому онъ всегда относился съ довѣріемъ къ представителямъ древнихъ династій и съ отвращеніемъ къ революціямъ и ихъ послѣдствіямъ.

Разсчеты и надежды русскаго царя однако не оправдались, онъ вскорѣ убѣдился въ вѣроломствѣ своихъ союзниковъ. Каждый преслѣдовалъ лишь свои выгоды и ловкой цѣнью всякихъ увертокъ, которая зовется дипломатіей, эти союзники крѣпко сцѣпили узлы той сѣти, которую раскинули для Россіи.

Во Франціи въ то время воцарился императоръ Наполеонъ III, который лукавыми происками погубилъ республику и завладѣлъ престоломъ. Ему нужно было во что бы то ни стало упрочить свое положеніе, которое было довольно шатко. Французскій народъ относился къ нему враждебно, а иностранныя державы, и въ особенности Россія, считали его за дерзкаго выскочку. Чтобы отвлечь вниманіе своихъ подданныхъ отъ внутреннихъ дѣлъ страны, ему надо было объявить войну и славою оружія покрыть свое безславное прошлое. При под-

держкѣ Англіи Наполеону III удалось добиться отъ турецкаго султана особеннаго покровительства католическимъ подданнымъ Турціи, жившимъ въ Палестинѣ, въ ущербъ правамъ громаднаго большинства православныхъ жителей этой страны. Турки начали не только тѣснить православныхъ христіанъ, но и оскорбили ихъ еще тѣмъ, что отняли у православнаго патріарха ключи отъ главныхъ дверей Виѳлеемской церкви и передали ихъ католическому духовенству,—а передача ключей означала какъ бы передачу самого храма. Съ того дня, какъ возникъ этотъ споръ о Святыхъ мѣстахъ, столкновеніе между Россіею съ одной стороны и Франціей и Англіей съ другой изъ-за преобладанія на Востокѣ сдѣлалось уже исторической необходимостью. Русскій царь считалъ себя законнымъ покровителемъ православной вѣры; основывая на ней свое могущество и незыблемость общественнаго строя русскаго государства, онъ клялся не только защищать ее отъ всякихъ посягательствъ, но и содѣйствовать торжеству ея въ цѣломъ мірѣ. Могъ ли онъ оставаться равнодушнымъ къ посягательству на права этой церкви въ Палестинѣ у самаго гроба Господня?

Событія въ жизни народовъ подчиняются извѣстнымъ законамъ, противъ которыхъ безсильно вліяніе отдѣльныхъ личностей. Наполеонъ III, достигнувъ власти нечестными путями, обманулъ свою страну, въ концѣ концовъ довелъ ее до погрома и самъ былъ взятъ въ плѣнъ нѣмецкими войсками. Такимъ образомъ законъ событій отомстилъ ему за нарушеніе народныхъ правъ. Съ другой стороны и Россія приведена была къ полному одиночеству, къ враждѣ со стороны тѣхъ государствъ, защитникомъ которыхъ она являлась въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Иностранныя государства спѣшили протянуть другъ другу руки и единодушно сплотились противъ Россіи, желая

подорвать ея могущество, которое служило столько лѣтъ опорою ихъ власти.

15 іюня 1853 г. высочайшимъ манифестомъ было объявлено, что „къ крайнему прискорбію, вопреки всѣхъ усилій защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушили сіи права и грозили, наконецъ, совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго“.

„Не завоеваній ищемъ мы,—говорилось въ манифестѣ,—и въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви“.

Но такого желанія у Турціи не было, а когда Франція и Англія подъ предлогомъ огражденія мира двинули свои корабли къ Дарданельскому проливу, императоръ Николай былъ вынужденъ направить свои войска въ Дунайскія княжества. 24 сентября 1853 г. Турція объявила намъ войну и послала свои войска въ Валахію. Какъ сухопутныя, такъ и морскія силы Россіи побѣдили Турокъ; Нахимовъ истребилъ турецкій флотъ около Синопа.

Побѣды русскаго оружія встревожили Францію и Англію; обѣ державы поспѣшили на выручку Турціи и въ февралѣ 1854 года также объявили Россіи войну. Австрія выдвинула свои войска на границу, принимая угрожающее положеніе, а Пруссія, хотя оставалась спокойною, не выказывала ни малѣйшаго желанія поддержать Россію, выразить ей на дѣлѣ какое бы то ни было сочувствіе. 1-го сентября 1854 года союзный французскій, турецкій и англійскій флотъ уже стоялъ въ Черномъ морѣ, въ виду Севастополя.

II.

Состоянiе русскаго общества и его настроенiе.

Какъ встрѣтило русское общество извѣстiе о началѣ войны? Оно встрѣтило его взрывомъ патрiотическихъ восторговъ, съ сознанiемъ могущества Россiи и съ полной увѣренностью на скорую побѣду и на посрамленiе Европы. Образчикомъ такого настроенiя можетъ служить стихотворенiе Ѳ. Н. Глинки, которое ходило по рукамъ и заучивалось наизусть.

Ура!—на трехъ ударимъ разомъ!
Не даромъ же трехгранный штыкъ!
Ура отгрянетъ надъ Кавказомъ,
Въ Европу грянетъ тотъ же кликъ!

* * *

И двадцать шло на насъ народовъ,
Но Русь управилась съ гостьми:
Ихъ кровь замыла слѣдъ походовъ,
Поля бѣлѣлись ихъ костьми.

* * *

Тогда спасали мы родную
Страну и честь, и Царскiй тронъ;
Тогда о нашу грудь стальную
Разбился самъ Наполеонъ.

* * *

Теперь же вздрогни, вся природа!
Во снѣ не снилось никому:
Два христiанскiе народа
На насъ грозятся за чалму.

* * *

Что жъ скажетъ лѣтопись предъ свѣтомъ
Про нечестивый вашъ союзъ?
Британецъ въ сдѣлкѣ съ магометомъ,
И—стыдъ! отурчился французъ!!

* * *

Но вѣрьте, всѣ ваши мытарства.
Расчетъ и вычетъ—все мечта!
Вамъ русскаго не сдвинуть царства:
Оно съ Христомъ и за Христа!!

Были и другiя стихотворенiя и статьи въ газетахъ и журналахъ, которыя высказывали весь пылъ горячаго воодушевленiя и презрительнаго отношенiя къ затѣянной за-

падными государствами войнѣ. Тогдашній министръ просвѣщенія Норовъ находилъ, что высказываемые взгляды и надежды свидѣтельствуютъ о трояком направленіи умовъ, которые выражали: „глубокую преданность престолу и вѣрѣ, чувство національной гордости, готовое на всякую борьбу съ врагами и пожертвованія, и порывъ негодованія противъ посягательствъ чуждыхъ народовъ на величіе и благоденствіе Россіи“,—но между прочимъ испрашивалъ у государя дозволенія: „до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій?“ Печатаніе разрѣшилось безпрепятственное съ условіемъ, чтобы не было брани по отношенію къ противникамъ.

Особенною популярностью пользовалось еще слѣдующее стихотвореніе:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновленъ его отвагой
И французъ за нимъ туда-жъ,
Машетъ дядюшкиной шпагой,
И кричитъ: Allons, courage! *
Полно, братцы, на смѣхъ свѣту
Не останьтесь въ дуракахъ,
Мы видали шпагу эту
И не въ этакихъ рукахъ.
Если дядюшка безславно
Изъ Руси вернулся вспять,
Такъ племяннику подавно
И вдали не сдобровать.
Альбіонъ—страна иная:
Онъ еще не раскусилъ,
Что за машина такая
Наша Русь и въ сколько силъ.
То-то будетъ удивленье
Для практическихъ головъ,
Какъ высокое давленье
Имъ покажутъ безъ паровъ!
Знайте-жъ, машина готова.
Будетъ дѣйствовать, какъ встарь,
Ее двигаютъ три слова:
Богъ, да родина, да Царь!

* Смѣло впередъ.

Раздавались впрочемъ и другіе голоса, которые не предавались воинственному азарту, а напротивъ обличали современное состояніе Россіи, говорили о томъ, какая неправда черная царитъ въ судахъ, сколько кругомъ лжи и лести, сколько позорной и мертвой лѣни! Но такія мрачныя разсужденія тонули въ волнахъ гордаго самовосхваленія, да и кромѣ того не всегда могли проникнуть въ печать, которая охранялась отъ всякой подобной нежелательной откровенности. Если и было у нѣкоторыхъ предчувствіе, что война сулитъ намъ много горя и слезъ, то они таили это про себя, такъ какъ ихъ замѣчанія не встрѣтили бы никакого сочувствія и ихъ бы упрекнули чуть не въ измѣнѣ родинѣ.

Куда веселѣе было пѣть:

Громъ побѣды раздавайся!
Веселися, храбрый россъ!

Историкъ М. П. Погодинъ былъ того мнѣнія, что теперь Восточная Европа, т. е. Россія, убѣдится черезъ грозное столкновеніе съ Западомъ въ необходимости образованія, въ истинѣ Петровой пословицы, что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма. „Во тьмѣ мы упали бы въ пропасть,—говоритъ онъ.—Нельзя жить въ Европѣ и не участвовать въ общемъ ея движеніи, не слѣдить за ея изобрѣтеніями, открытіями научными, административными и житейскими... Науки не такого рода произведенія, чтобы можно было питаться ими въ мѣру, только въ предохраненіе отъ голодной смерти: или все, или ничего—вотъ ихъ девизъ“.

А между тѣмъ въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ началѣ пятидесятыхъ наука была въ большомъ загонѣ и ее всячески преслѣдовали и ограничивали. Историческія сочиненія претерпѣвали сильныя цензурныя помарки. Такъ изъ древней исторіи вычеркивали имена всѣхъ великихъ людей, которые сражались за свободу народа. Въ 1849 году ходили даже слухи о закрытіи университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Наша жизнь, какъ въ провинціи, такъ и въ сто-

лицахъ, текла вяло и скучно. Все было подвержено извѣстному регламенту, чинопочитанію, все было стѣснено до послѣдней степени. Ни критики, ни обсужденія какихъ бы то ни было событій гражданской жизни не допускалось. Одни приказывали—другіе слушались; одни обогащались, другіе должны были способствовать ихъ обогащенію. Литература страдала больше всего; даже пьесы Островскаго считались нецензурными; „Бориса Годунова" Пушкину предлагали передѣлать въ романъ во вкусѣ Вальтера Скотта. Злоупотребленія, благодаря отсутствію гласности, царили повсемѣстно.

Въ учебныхъ заведеніяхъ главное вниманіе было обращено на форму, на такъ называемую нравственность, т. е. на старательную наружную покорность. Истинныя дарованія, которыя выдавались изъ общаго средняго уровня, не одобрялись, а унижались. Объ ученіи или наукахъ мало заботились,—главное, чтобы помѣщенія блистали чистотой и всѣ вели бы себя тихо, чтобы не случалось исторій.

„Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній,—говоритъ тотъ же Погодинъ,— стали выходить люди не воспитанные, а дрессированные, машины, лицемѣры, такіе исполнители, которые, чуть обстоятельства стали помудренѣе, такъ и не сыскались ни въ одномъ вѣдомствѣ, даже въ военномъ, бывшемъ предметомъ всѣхъ попеченій; безъ настоящаго образованія оно показало всю свою жалкую несостоятельность.

„Внѣшнее наблюденіе ввѣрялось людямъ, пожалуй, нравственнымъ и благонамѣреннымъ, но непросвѣщеннымъ и не имѣвшимъ понятія, что такое народъ, государство, наука, ученіе, что такое духъ времени и его требованія. Близорукими и пристрастными своими распоряженіями они довершили разстройство, и въ пять-шесть лѣтъ довели его до крайней степени".

Говоря о стремленіяхъ правительства внушить народу благоговѣйное подчиненіе власти, Погодинъ замѣча-

етъ: „Власть нужна и священна, но злоупотребленіями своими власть ослабляется гораздо болѣе, нежели свободными сужденіями о ея дѣйствіяхъ; злоупотребленій не скроешь отъ тѣхъ, кого они касаются. Въ офиціальныхъ отчетахъ Россія благоденствуетъ, а на самомъ дѣлѣ Россія—алчущая, жаждущая и тоскующая, не знаетъ, что дѣлать со своими силами.

„Невѣжи славятъ ея тишину, но это тишина — кладбища гніющаго и смердящаго физически и нравственно! Рабы славятъ ея порядокъ. Нѣтъ! Такой порядокъ поведетъ ее не къ счастью, не къ славѣ, а въ пропасть! Нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни протеста, ни контроля“.

Если такъ пишетъ Погодинъ, котораго никто не упрекнетъ въ либерализмѣ, то что же было на самомъ дѣлѣ! Начальствующія лица, привыкшія къ лести, считали неблагонадежнымъ каждаго, кто не хотѣлъ передъ ними пресмыкаться. Эти лица поддерживали другъ друга, — рука руку моетъ,—поддерживали всю систему бумажнаго дѣлопроизводства, общаго молчанія, преслѣдывали всякаго мыслящаго человѣка и не давали ему хода. Вездѣ кричали о патріотизмѣ, о любви къ народу, а народъ,—который трудился, проливалъ свою кровь, вовсе не былъ извѣстенъ, развѣ только по вѣдомостямъ казенныхъ палатъ.

Профессоръ Грановскій писалъ о томъ, какъ печально то время, въ которое онъ живетъ; ему приходилось работать и отрекаться отъ всякихъ радостей и запросовъ,—и не ему одному; итти надо было по тернистому пути, безропотно неся свой крестъ; трудна была борьба съ офиціальной народностью, которая проникласъ реакціонными стремленіями; для ея приверженцевъ всякое умственное движеніе было подозрительно.

Въ такомъ положеніи нравственнаго оцѣпенѣнія застала насъ война. Дѣйствовать надо было быстро и ра-

зумно. На самомъ же дѣлѣ никто не сознавалъ серьезности минуты, и готовность закидать врага шапками оказалось средствомъ очень недѣйствительнымъ. Государственная машина дѣйствовала прескверно, и патріотическіе возгласы не могли ее исправить.

Пока разыгрывалась на югѣ Россіи кровавая драма, общество изнывало въ неизвѣстности. Въ семьяхъ лились слезы, и многіе впервые начали отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что люди, призванные къ руководству событіями, не всегда были на высотѣ своего призванія.

Обратимся теперь къ ходу военныхъ дѣйствій съ самаго момента высадки непріятельскихъ войскъ, для болѣе правильнаго пониманія событій обрисуемъ также состояніе арміи и флота и укрѣпленій Севастополя ко времени начала военныхъ дѣйствій.

III.

Состояніе арміи и флота.

Положеніе Россіи предъ началомъ войны было довольно затруднительное. Не намѣреваясь вести воинственную политику, правительство недостаточно озаботилось приведеніемъ своихъ границъ въ такое состояніе, которое могло бы остановить натискъ противниковъ. Обученіе войска состояло главнымъ образомъ во внѣшней муштровкѣ, а на преобразованіе его, по системѣ новѣйшихъ иностранныхъ образцовъ, не было обращено вниманіе. Объявленіе войны со стороны такихъ державъ, какъ Франція и Англія, застало насъ врасплохъ.

Эти державы имѣли прекрасный флотъ и хорошо обу-

ченное войско; ихъ враждебныя дѣйствія противъ Россіи находили сочувствіе въ другихъ европейскихъ дворахъ; зато намъ нечего было надѣяться на сочувствіе съ чьей либо стороны, скорѣе приходилось опасаться, какъ бы другія державы не примкнули къ союзнымъ войскамъ, помогая имъ въ стремленіи подорвать могущество Россіи, о которомъ у нихъ было преувеличенное понятіе.

Россія, правда, имѣла возможность содержать очень большую армію, бо̀льшую, чѣмъ въ другихъ государствахъ; содержаніе солдатъ стоило очень дешево, а громадное населеніе обезпечивало значительную численность состава арміи, но боевая подготовка войска находилась на довольно низкомъ уровнѣ. Всего подъ ружьемъ было регулярныхъ войскъ, по свидѣтельству Тотлебена, на основаніи офиціальныхъ отчетовъ, 678.201 человѣкъ. Резервъ составляла запасная армія, численностью до 212.433-хъ человѣкъ. Кромѣ того были еще иррегулярныя войска, которыя состояли изъ казачества: ихъ тоже было около 242.203-хъ человѣкъ. Корпусъ внутренней стражи равнялся 144.937 человѣкъ; всего войскъ было 1.292.208 человѣкъ. Въ 1854 году для усиленія арміи были произведены три рекрутскихъ набора, и, кромѣ того, правительство пригласило отставныхъ нижнихъ чиновъ вторично поступить на службу, предоставляя имъ особыя права и преимущества.

Морскія силы Россіи состояли изъ 512 судовъ съ 7105 орудіями; изъ нихъ было 47 линейныхъ кораблей, 17 фрегатовъ, 18 пароходовъ-фрегатовъ и 6 корветовъ, остальныя суда были очень незначительныхъ размѣровъ. Винтовой двигатель началъ вводиться въ нашъ флотъ лишь предъ самымъ началомъ войны: большинство судовъ были парусныя.

Крупныхъ орудій въ Севастополѣ находилось 610; изъ нихъ 571 орудіе были предназначены для защиты

рейда, а остальныя 39 незначительнаго калибра—для сухопутной обороны. Главнокомандующій крымской арміею Меньшиковъ не предполагалъ, чтобы непріятель могъ высадить значительную армію (десантъ) для нападенія на Севастополь съ сѣверной стороны, и потому укрѣпленія города съ суши были весьма слабы. Даже послѣ того, какъ до насъ дошли слухи, что непріятель везетъ значительныя войска на корабляхъ, главнокомандующій не торопился укрѣпленіями и заботился лишь о морской оборонѣ. Укрѣпленій было построено немного, и тѣ по большей части не окончены. Средства сухопутнаго вѣдомства оказались недостаточными, и потому часть работъ по постройкѣ укрѣпленій была возложена на морское вѣдомство. Орудія, хранившіяся въ арсеналѣ, не имѣли ни станковъ, ни необходимыхъ приспособленій, поэтому разрѣшено было снять орудія съ нѣкоторыхъ небольшихъ ихъ судовъ. На Малаховомъ курганѣ морское вѣдомство построило небольшую башню, предназначенную главнымъ образомъ для ружейной обороны. Ко дню высадки непріятеля, по оборонительной линіи въ шесть съ половиною верстъ было разставлено всего около 145 орудій, такъ какъ предполагали, что десантъ будетъ весьма незначительный. Когда защитники Севастополя узнали о численности союзныхъ армій, они изо всѣхъ силъ принялись за постройку укрѣпленій, которыя при содѣйствіи жителей и были возведены чрезвычайно быстро.

Изъ общаго числа всего россійскаго воинства у князя Меньшикова въ окрестностяхъ Севастополя имѣлось всего 30.000 человѣкъ: часть подкрѣпленій прибыла прямо на поле сраженія при р. Альмѣ, да во флотѣ числилось около 18 тыс. матросовъ. Снарядовъ въ Севастополѣ находилось около 500 тыс., но изъ нихъ около 30 тыс. были совершенно непригодны для орудій, часть предназначалась для приморскихъ батарей, такъ что для сухопутныхъ

войскъ оставалось около 300 тыс. снарядовъ. У морской артиллеріи запасъ оказался болѣе значительный, но если изъ нихъ исключить 250 тыс. негодныхъ, оставалось около 600 тысячъ.

Пороху имѣлось въ боченкахъ для крѣпостной артиллеріи около 23 тыс. пуд., а для морской 42 тыс. пуд., всего 65 тыс. пудовъ.

Инженерный запасъ былъ самый незначительный, такъ что рабочаго инструмента хватало лишь на 200 чел.; такой же недостатокъ ощущался и въ строительныхъ матеріалахъ, за исключеніемъ заготовокъ морского вѣдомства.

Провіантскіе запасы, которые приходилось пополнять привозомъ продуктовъ изъ Россіи, такъ какъ Крымскій полуостровъ не могъ быть источникомъ продовольствія, не были достаточны. Пищевое довольствіе сухопутныхъ войскъ было возложено на Симферопольскую провіантскую комиссію, которая оказалась въ плохомъ состояніи. Магазины ея были почти пусты, а денегъ не имѣлось вовсе; на нее еще былъ начетъ въ 100.000 руб. за прежнее недоставленное продовольствіе. Если взять общее число запасовъ, то войска были обезпечены хлѣбомъ лишь на 4½ мѣсяца. Морское вѣдомство и въ этомъ случаѣ было богаче, у него команды были обезпечены на семь мѣсяцевъ. Вообще, во время обороны Севастополя, моряки много помогли своими орудіями, снарядами и провіантомъ. Къ сожалѣнію черноморскій флотъ, хотя и могъ бороться съ турецкимъ, но уступалъ союзному флоту, который былъ устроенъ согласно всѣмъ новѣйшимъ усовершенствованіямъ морской техники.

Что касается госпитальной части, запасовъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, то на это дѣло не было обращено вниманія и никакихъ приготовленій на военное время не предпринималось. Всего госпиталей было постоянныхъ и временныхъ на 2.325 человѣкъ; госпиталь-

ныхъ вещей въ запасѣ находилось на 1.500 чел., а перевязочныхъ матеріаловъ на 6.000 человѣкъ. Такая непредусмотрительность, конечно, имѣла весьма печальныя послѣдствія и отразилась на положеніи раненыхъ, усугубляя ихъ страданія. Военное вѣдомство оказалось не на высотѣ своего призванія въ столь опасную для Россіи годину бѣдствій, а исправить ошибки было поздно, да и мѣры къ этому принимались не достаточно энергичныя. Дурные пути сообщенія, которыми отличалась Россія, затрудняли еще, кромѣ того, мѣры, предпринимавшіяся для снабженія арміи всѣмъ необходимымъ.

IV.

Севастополь.

Севастополь находится на юго-западной оконечности Крымскаго полуострова, который имѣетъ видъ неправильнаго четырехугольника и соединенъ съ Россіей узкимъ перешейкомъ въ 18 верстъ ширины; весь полуостровъ занимаетъ пространство въ 26.000 кв. верстъ. Географическія условія и топографія страны имѣютъ громадное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій: отъ качества почвы и устройства ея поверхности зависитъ болѣе или менѣе успѣшное занятіе выгодныхъ позицій и передвиженіе войскъ. Поэтому, прежде чѣмъ описать собственно городъ Севастополь, необходимо дать бѣглый очеркъ Крымскаго полуострова, его природы и характера мѣстности.

Съ трехъ сторонъ Крымъ омывается водами Чернаго моря, которое не даромъ славится своими бурями,

достигающими здѣсь такихъ размѣровъ, что весьма затрудняютъ плаваніе, особенно въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, а съ четвертой, сѣверо-восточной стороны— Азовскимъ моремъ, которое Керчинскимъ проливомъ соединяется съ Чернымъ.

Крымскій полуостровъ дѣлится по характеру мѣстности на двѣ неравныя части: на степное пространство и горное. Первое занимаетъ двѣ трети полуострова и представляетъ безлѣсную и безводную степь съ глинистой почвой и только мѣстами съ твердымъ каменистымъ грунтомъ. Рѣкъ здѣсь почти не встрѣчается, а тѣ, которыя протекаютъ по степи, лѣтомъ почти совсѣмъ высыхаютъ и только въ дождливое время наполняются водою. Мѣстные жители вырываютъ колодцы, иногда до 40 саж. глубины, но вода въ нихъ невкусная, горько-соленая. Безконечная степь служитъ татарамъ пастбищемъ для скота и лишь изрѣдка встрѣчаешь воздѣланныя поля, которыя обрабатываются съ большимъ трудомъ. Частыя засухи уничтожаютъ посѣвы,—поэтому большинство жителей предпочитаетъ заниматься скотоводствомъ и въ особенности овцеводствомъ. Содержатся также табуны лошадей и стада рогатаго скота, который служитъ и для работы, и для перевозки тяжестей. У жителей сѣверной части полуострова есть еще одна промышленность— добываніе самоосадочной соли изъ многочисленныхъ и обширныхъ соленыхъ озеръ, которыхъ насчитывается болѣе ста.

Совсѣмъ другія условія для существованія населенія представляетъ собою южная береговая часть, горное пространство Крымскаго полуострова. Здѣсь и климатъ гораздо лучше, благодаря вліянію моря, такъ что зимой почти не бываетъ морозовъ, а лѣтомъ жары умѣряются прохладными вѣтрами. Здѣсь развито садоводство и въ особенности виподѣліе, которое въ послѣдніе годы полу-

чило сильное развитіе. Горный хребетъ Крымскихъ горъ тянется мѣстами вдоль самаго берега, а мѣстами удаляется отъ моря и, пересѣченный необыкновенно живописными долинами, образуетъ своими южными скатами плодородную полосу земли. Склоны Крымскихъ горъ по большей части покрыты лѣсами и обильно орошаются горными рѣчками; отсюда беретъ свое начало рѣка Черная, которая протекаетъ по болотистой Инкерманской долинѣ и затѣмъ впадаетъ въ Севастопольскую бухту. Здѣсь также берутъ свое начало рѣки Бельбекъ, Альма и др. Долины рѣкъ покрыты садами и виноградниками и населены, какъ и степное пространство, мѣстными жителями татарами, но горные татары гораздо развитѣе и красивѣе степныхъ; они съ успѣхомъ занимаются садоводствомъ, винодѣліемъ и разведеніемъ табачныхъ плантацій. До начала Крымской войны здѣсь выдѣлывалось до 400,000 ведеръ вина.

Въ 1854 году на Крымскомъ полуостровѣ существовала лишь одна шоссейная дорога на протяженіи 100 верстъ; всѣ остальные пути сообщенія состояли изъ почтовыхъ дорогъ, которыя съ трудомъ поддерживались мѣстными средствами и временами бывали совсѣмъ непроѣздны, благодаря своему глинистому грунту. Лѣтомъ онѣ просыхали, зато осенью и зимою колеса увязали выше ступицъ. Въ южной горной части отвѣсные, крутые скаты дѣлаютъ и подъемы и спуски очень затруднительными. Движеніе войскъ по горнымъ тропинкамъ опасно, а для артиллеріи и просто невозможно; кромѣ того отсутствіе мостовъ иногда создавало непреодолимыя затрудненія. Такое плохое состояніе дорогъ препятствовало во время войны своевременной доставкѣ, какъ провіанта, такъ и боевыхъ припасовъ и перевязочныхъ средствъ; много страдали и тѣ, кому приходилось ѣздить по этимъ дорогамъ, отвозить донесенія, доставлять почту и посылки. Телеграфнаго сообщенія съ Петербургомъ тогда не было.

Городъ Севастополь, расположенный около обширной и удобной бухты, является самымъ главнымъ военнымъ портомъ Россiйской Имперiи на Черномъ морѣ. Онъ имѣетъ всѣ удобства для стоянки большого флота и для веденiя оборонительной и наступательной войны.

Большая Севастопольская бухта вдается въ глубь полуострова на разстоянiе шести верстъ, ширина ея отъ 250 до 450 саженъ, а глубина отъ 35 до 60 футъ; она почти никогда не замерзаетъ. Севастополь расположенъ по обѣимъ сторонамъ этой большой бухты и раздѣляется ею на двѣ части: Сѣверную и Южную. Южная кромѣ того раздѣляется южной бухтой на двѣ части: западную—Городскую и восточную—Корабельную. Собственно городъ былъ расположенъ въ то время на продолговатой горѣ, на высотѣ 30 саж. надъ уровнемъ моря и имѣлъ очень живописный видъ. На Корабельной сторонѣ находилось новое адмиралтейство, сухiе доки для починки кораблей, морскiе провiантскiе магазины, морскiя казармы и госпитали. На Городской сторонѣ помѣщалось старое адмиралтейство, сухопутный госпиталь, морская библiотека, построенная на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города; тамъ находился прекрасный бульваръ, любимое мѣсто прогулки севастопольской публики. Въ Сѣверной части города были расположены старые провiантскiе магазины и сухарный заводъ. Жителей въ Севастополѣ считалось около 42,000, изъ нихъ 38,000 составляли войсковыя части и разнаго рода команды.

Окрестности Севастополя во время лѣтнихъ жаровъ выгораютъ и представляютъ пустынный видъ; послѣ дождей и зимой въ низменныхъ мѣстахъ почва дѣлается очень вязкая и затрудняетъ передвиженiе; только Мекензiевы и Инкерманскiя высоты покрыты лѣсомъ. Между этими высотами и Балаклавскими горами, находящимися съ юго-восточной стороны Севастополя, разстилается обшир-

ная долина до 9 верстъ длины и до $1^1/_2$ версты ширины, по которой протекаетъ Черная рѣчка. Долина эта постепенно суживается и образуетъ Инкерманское ущелье, отъ котораго до самаго впаденія въ Инкерманскую бухту, рѣка Черная течетъ по болотистой нездоровой мѣстности. Черезъ рѣку Черную былъ построенъ каменный Трактирный мостъ и здѣсь, къ лѣвому берегу рѣки, примыкаютъ Федюхины высоты, которыя представляютъ три отдѣльныя, рѣзко выдающіяся возвышенности.

V.

Высадка непріятельскихъ войскъ и битва при р. Альмѣ.

Несмотря на объявленіе войны, жители Севастополя не ожидали скораго прибытія непріятельскихъ войскъ. Многіе надѣялись, что зима пройдетъ спокойно и военныя дѣйствія начнутся лишь весною. Тѣмъ страшнѣе показалось всѣмъ внезапное появленіе непріятельскаго флота и въ городѣ поднялся ужасный переполохъ. 1-го сентября 1854 года, въ десятомъ часу утра, общее вниманіе было привлечено небольшимъ облачкомъ дыма на горизонтѣ, а около полудня уже стало извѣстно, что непріятельскій флотъ идетъ тремя колоннами и что судовъ такъ много, что ихъ и не перечесть. На разсвѣтѣ 2-го сентября непріятельскій флотъ подошелъ къ берегу, растянувшись слишкомъ на четырнадцать верстъ; спущены были боты, лодки и другія гребныя суда и союзныя войска приступили къ высадкѣ. Они выбрали плоскій и низменный берегъ, нѣсколько южнѣе Евпаторіи, которая была взята безъ боя, и, такъ какъ русскихъ войскъ нигдѣ не было видно, высадка продолжалась безпрепятственно. Въ первый же день не-

пріятель перевезъ на берегъ 45,000 человѣкъ и 83 орудія. Поднявшійся сильный вѣтеръ съ дождемъ пронизывалъ насквозь солдатъ, которые не успѣли раскинуть палатокъ. Не только солдатамъ, но и офицерамъ пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ, на размокшей отъ дождя землѣ. За неимѣніемъ дровъ, войско не могло даже развести огня и сварить себѣ горячую пищу. Но такая неудача не повліяла на энергію французовъ и англичанъ; на слѣдующій день новые батальоны стали съѣзжать на берегъ и высадка продолжалась до 6-го сентября. Всего на берегу оказалось 63,235 человѣкъ, которые и двинулись къ Севастополю вдоль морского берега, а рядомъ двигался ихъ флотъ; суда предназначались для того, чтобы въ случаѣ надобности поддержать своимъ огнемъ сухопутныя войска. 7-го сентября непріятельское войско остановилось въ шести верстахъ отъ нашей позиціи около рѣки Альмы и расположилось здѣсь на бивуакахъ.

Русскіе, узнавъ о высадкѣ непріятеля, начали стягивать свои войска на лѣвый берегъ рѣки Альмы, которая впадаетъ въ море. Лагерь нашихъ войскъ тянулся верстъ на шесть на возвышенномъ берегу, а по ту сторону рѣки разстилалась ровная мѣстность съ небольшими холмами; позиція непріятеля поэтому была совершенно открыта и доступна наблюденію русскихъ. Наши войска были расположены на такой позиціи, которая мѣстами казалась совсѣмъ неприступной, благодаря обрывамъ и страшно крутымъ подъемамъ; черезъ рѣку Альму былъ перекинутъ всего одинъ мостъ, но въ это время года, вслѣдствіе мелководья, рѣку можно было перейти въ любомъ мѣстѣ. Выгоды нашей позиціи однако умалялись двумя обстоятельствами: во-первыхъ, чрезмѣрнымъ протяженіемъ фронта, и во-вторыхъ, тѣмъ, что лѣвый флангъ русскихъ войскъ не могъ быть придвинутъ къ самому берегу моря, такъ какъ ему угрожалъ огонь непріятельскихъ кораблей.

Меньшиковъ сосредоточилъ на альминской позиціи армію въ 33.000 человѣкъ, при чемъ Московскій полкъ подошелъ лишь къ началу битвы, пройдя въ пять дней усиленнымъ маршемъ 250 верстъ. Въ сраженіи участвовали Минскій полкъ, резервные батальоны Бѣлостокскаго и Брянскаго полковъ, Тарутинскій егерскій, Бородинскій, Суздальскій, Владимірскій и Волынскій полки; кромѣ того артиллерія и два казачьихъ полка. Правымъ флангомъ и центромъ командовалъ князь Горчаковъ, а лѣвымъ—генералъ Кирьяковъ.

Среди русскихъ войскъ шла дѣятельная работа; мѣстами укрѣплялись позиціи, люди поспѣшно работали лопатами, выбрасывая землю, и копошились, словно кроты, не зная устали. Въ лагерѣ разносили дрова, зажигали костры и варили пищу. Солдаты собирались кучками и перекидывались остротами; слышался смѣхъ и нѣкоторые запѣвали сочиненную тутъ же пѣсню:

Вы, французы, англичане,
Что турецкій глупый строй!
Выходите, бусурмане!
Вызываемъ васъ на бой!
Вызываемъ васъ на бой!

Всѣ были спокойны или притворялись такими, не желая показать передъ товарищами ту смутную тревогу, которая невольно прокрадывается въ душу наканунѣ боя. Къ тому же это былъ первый бой съ новымъ врагомъ, военные пріемы котораго не были извѣстны солдатамъ.

Ночь съ 7-го на 8-е сентября, которую двѣ непріятельскія арміи провели другъ передъ другомъ, была темная и холодная; кое-гдѣ мелькали огни, а суда, стоявшія на морѣ, были ярко освѣщены. Понемногу начали догорать костры, и ночная тьма сгущалась надъ спавшими людьми. Говоръ затихъ; иногда изъ чьей-нибудь груди вырывался невольный вздохъ, и уста шептали дорогое имя.

Начальство обходило ряды войскъ и спѣшило отдавать

послѣднія приказанія, назначало перевязочные пункты. Доктора переговаривались съ лазаретной прислугой, осматривали повозки для раненыхъ. Надъ лагеремъ носилось что-то таинственное, грозное, призракъ надвигающейся смерти; люди, полные жизни, готовились итти навстрѣчу страданіямъ, а судьба готовилась нанести ударъ самому источнику этихъ жизней.

Не успѣло солнце выглянуть изъ-за горизонта, какъ въ нашемъ и непріятельскомъ лагеряхъ все пришло въ движеніе. Съ французскаго адмиральскаго корабля раздался выстрѣлъ зоревой пушки, затѣмъ послышался бой зори; вскорѣ въ русскомъ лагерѣ раздались звуки гимна „Коль славенъ". Въ войскахъ началось молебствіе, и священники обходили батальоны съ крестомъ и святой водой.

Замолкли звуки молитвъ,—наступила жуткая тишина.

Солдаты надѣвали чистое бѣлье, готовясь къ смерти; молодые обращались къ старикамъ, заглядывая въ ихъ суровыя, полныя спокойной величавости лица.

— Умирать всего разъ надо,—говорилъ старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ молодому безусому солдату.

— Знаю, что разъ, да коли сегодня не хочется...

— А ты положись на Бога. Вотъ пойдемъ въ атаку— все забудешь.

— Вѣстимо, забуду... Да хоть бы ужь скорѣе, что-ли, а то вишь его (непріятеля) и слыхомъ не слыхать.

Союзная армія двинулась въ атаку лишь въ $11^1/_2$ часовъ; первою шла дивизія подъ начальствомъ Боске, построенная въ двѣ колонны, съ артиллеріей, подъ прикрытіемъ цѣпи стрѣлковъ; она направилась въ обходъ нашего лѣваго фланга. Въ то же время непріятельскія суда усилили огонь, что дало возможность 1-й бригадѣ французовъ, подъ начальствомъ д'Отмара, направиться къ рѣкѣ Альмѣ и перейти ее въ бродъ. Впереди шелъ батальонъ полка зуавовъ, который, перейдя рѣку, разсыпался въ

цѣпь и началъ быстро взбираться по крутизнѣ, на которой расположились наши войска. Въ скоромъ времени зуавы появились на гребнѣ и открыли огонь изъ штуцеровъ.

Вскорѣ къ нимъ присоединились батальоны бригады д'Отмàра, а турецкія войска двинулись къ устью рѣки Альмы и быстро переправились по песчаной отмели. Непріятеля встрѣтилъ батальонъ Минскаго полка, но сразу очутился въ очень опасномъ положеніи вслѣдствіе перекрестнаго огня противника. Неблагополучно было и на лѣвомъ флангѣ, который сильно обстрѣливался съ французскихъ судовъ. Генералу Кирьякову пришлось отвести свои войска ближе къ центру. Штуцерный огонь передовыхъ стрѣлковъ громилъ между тѣмъ нашу артиллерію, не дозволяя ей приблизиться на разстояніе хорошаго прицѣльнаго выстрѣла, а французскія пушки-гаубицы дѣйствовали такъ успѣшно, что помогли дивизіи Боскè обойти нашъ лѣвый флангъ. Несмотря на всѣ усилія русскихъ войскъ, они не могли отбросить непріятеля за рѣку. Едва дивизія Боскè утвердилась на высотахъ лѣваго берега Альмы, какъ начали наступать и остальныя французскія войска, а за ними бросились въ бой и англійскія. Когда остальные батальоны Минскаго полка, расположенные въ резервѣ, подоспѣли на выручку, на лѣвомъ берегу Альмы находились не только французскія, но и часть турецкихъ войскъ. Попытка русскихъ отбросить ихъ штыками не имѣла успѣха, такъ какъ французы встрѣтили атаку картечью и градомъ пуль; пѣхота и артиллерія наша твердо стояли подъ выстрѣлами, смѣняя ряды, замѣняя убитыхъ и раненыхъ и нанося значительный вредъ непріятелю. Одно время стойкость нашихъ войскъ задержала натискъ противника, но вскорѣ онъ получилъ новыя подкрѣпленія и подскакавшія батареи осыпали русскихъ картечью и гранатами. Командиры полковъ были ранены, большая часть офицеровъ перебита и войска, лишившись начальниковъ, начали отступать.

Минскій и Московскій полки потеряли болѣе 1.500 чел., но все же сохранили порядокъ и, отступая, обстрѣливали непріятеля. Немного времени спустя, самая высокая позиція русскихъ была взята французами и они водрузили на ней свое знамя. Одновременно англійскія войска стройно пошли въ атаку и были встрѣчены егерскимъ полкомъ; но вслѣдствіе того, что артиллерія не могла открыть своевременно огонь, англичане взобрались на русскія укрѣпленія; черезъ минуту и тамъ развивалось англійское знамя. Посланные на подкрѣпленіе батальоны Владимірскаго полка, несмотря на непріятельскіе выстрѣлы, бросились на англичанъ и выбили ихъ изъ позиціи; англичане отошли къ рѣкѣ и спокойно принялись выстраивать свои батальоны, такъ какъ русскія гладкоствольныя ружья не могли бить на далекое разстояніе. Видно было, что англичане, получивъ подкрѣпленіе, готовились къ новой атакѣ. Тогда Владимірскій полкъ бросился черезъ насыпь укрѣпленій прямо на непріятеля; передніе батальоны его дрогнули, но въ эту рѣшительную минуту по нашимъ войскамъ былъ открытъ французами бѣглый фланговый огонь, который ободрилъ англійскихъ солдатъ. Владимірскій полкъ, понеся большія потери, принужденъ былъ отступить къ укрѣпленіямъ, на которыхъ не была выстроена артиллерія; выдерживая натискъ почти цѣлой англійской дивизіи, Владимірскій полкъ геройски умиралъ; онъ потерялъ командира, сорокъ семь офицеровъ и 1.300 нижнихъ чиновъ; вскорѣ ему стали угрожать обходомъ съ праваго фланга и только тогда начали отводить остатки пострадавшаго полка. Англичане, овладѣвъ позиціями, принялись громить отступившіе Суздальскій и Углицкій полки. Только благодаря усиліямъ резервныхъ войскъ, удалось наконецъ остановить наступленіе непріятеля и помочь нашимъ отступавшимъ войскамъ выйти изъ линіи огня. Въ семь часовъ вечера союзныя войска расположились би-

вуаками на позиціяхъ, которыя утромъ занимала наша армія. Итакъ первая встрѣча русской арміи съ непріятельской была неудачна: Альминское сраженіе, стоившее намъ большихъ потерь, было проиграно. Изъ строя выбыло 5 генераловъ, 23 штабъ и 170 оберъ-офицеровъ и около 6.000 нижнихъ чиновъ. Потери союзныхъ войскъ были тоже весьма значительны,—у нихъ выбыло болѣе 3.500 человѣкъ, изъ которыхъ 2.000 пришлось на долю англичанъ. Непріятель долженъ былъ признать геройскую доблесть русскаго солдата. Англійскій герцогъ, объѣзжая поле битвы, воскликнулъ со слезами на глазахъ:

— Еще одна такая побѣда и у королевы Англіи не будетъ арміи!

А внизу рѣчка Альма попрежнему равнодушно катила свои воды въ море среди зелени и виноградниковъ, помятыхъ и уничтоженныхъ проходившими войсками. Плодовыя деревья стояли поломанныя и расщепленныя ударами ядеръ и гранатъ. Мирная картина жизни смѣнилась полнымъ разгромомъ; то, что было насажено мирнымъ трудомъ, истреблено насиліемъ и смертью.

Вотъ нѣкоторыя причины, которыя приводитъ генералъ Тотлебенъ въ объясненіе неудачъ нашей арміи:

„Первая встрѣча показала, что русская армія, воодушевленная наилучшимъ духомъ, была достойною соперницею первыхъ армій Европы по храбрости, самоотверженію и сознанію дѣла, но уступала имъ въ вооруженіи и техническомъ образованіи.

„Съ изобрѣтеніемъ различныхъ средствъ, упростившихъ заряженіе нарѣзного ружья, въ западной Европѣ сознана была тотчасъ же мысль о важности и значеніи легкой пѣхоты.

„Французское правительство поняло всю важность штуцера, давшаго теперь солдату возможность поражать не-

пріятеля на разстояніяхъ, до сихъ поръ недосягаемыхъ.

„Результаты, доставленные этимъ постепенно усовершенствованнымъ оружіемъ, естественно вызвали большія измѣненія въ обученіи и движеніяхъ войскъ; съ этого времени стали обучать стрѣлковые батальоны фехтованію на штыкахъ и гимнастическому шагу. Это нововведеніе довершало выгоды, доставленныя стержневымъ штуцеромъ. Солдаты пріобрѣтали увѣренность въ своей ловкости и подвижности; предоставленные въ разсыпномъ строю самимъ себѣ, они не терялись и не нуждались въ безпрестанномъ надзорѣ и въ указаніяхъ своихъ частныхъ начальниковъ.

„Между тѣмъ въ русской арміи, которая въ продолженіе долгаго времени не имѣла важныхъ столкновеній съ европейскими хорошо вооруженными и обученными войсками, и которой потому не представлялось случая на дѣлѣ убѣдиться въ выгодахъ и преимуществахъ нарѣзного огнестрѣльнаго оружія, предпочитали, по завѣщанію Суворова, силу удара въ штыки мѣткой пальбѣ на дальнія разстоянія. Въ то время, какъ на западѣ главное вниманіе было обращено на цѣльную стрѣльбу и одиночное образованіе солдата, у насъ войска преимущественно обучались дѣйствію въ массахъ.

„Въ Альминскомъ сраженіи пѣхота наша, вооруженная гладкоствольными ружьями, могла поражать непріятеля съ разстоянія не болѣе 300 шаговъ, между тѣмъ какъ непріятель открывалъ по нашимъ войскамъ огонь болѣе чѣмъ на 1.200 шаговъ. Слѣдовательно, не подвергаясь потерямъ самъ, наносилъ вредъ нашимъ войскамъ и ослаблялъ ихъ.

„Изъ другихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на потерю сраженія, можно упомянуть о томъ, что позиція наша не была укрѣплена, хотя для этого мы не имѣли недостатка ни во времени, ни въ средствахъ.“

Послѣ Альминскаго сраженія войска наши въ тотъ же день вечеромъ сосредоточились на Качѣ и расположились бивуакомъ.

VI.

На бивуакахъ.

Картина расположенія войскъ была довольно мрачная; не слышно было ни говора, ни шума; нигдѣ не зажигались бивуачные огни. Лица у всѣхъ были угрюмыя и злобныя, благодаря испытаннымъ неудачамъ. За арміей тянулись длинной вереницей раненые, падая, извиваясь отъ боли; слышны были плачъ, стоны и скрежетъ зубовъ. Что можетъ быть ужаснѣе тѣхъ часовъ и дней, которые слѣдуютъ послѣ битвы? Сколько страданій, сколько адскихъ мученій! Душа содрогается и сердце возмущается за невинно страдающихъ. Вотъ плетется солдатъ, опираясь на ружье, какъ на костыль; другой ползкомъ старается поспѣть за товарищемъ, превозмогая ужасную боль, боясь попасть въ плѣнъ; иной падаетъ въ изнеможеніи, предоставляя себя волѣ Божьей,—силы оставили его. У многихъ солдатъ было по шести, семи ранъ и всетаки они тащились за полками, громко взывая о помощи, изнемогая отъ страшной жажды, которая мучительно томитъ всѣхъ раненыхъ. Вотъ солдатъ съ оторванной рукой, на мѣстѣ которой болтаются обрывки рукава шинели; уцѣлѣвшей рукой онъ тащитъ ружье и еще помогаетъ обезсилѣвшему товарищу; другой, опираясь на ружье, передвигается, несмотря на то, что одна нога у него раздроблена; вотъ онъ поравнялся съ другимъ солдатомъ, который,

при помощи ружья, ступаетъ на пятки, такъ какъ обѣ ступни его ногъ раздроблены пулями; раненый въ голову идетъ ощупью, потому что все лицо залито кровью, которая запеклась сплошной корой; онъ ничего не видитъ и, спотыкаясь, падаетъ, но опять вскакиваетъ и, прислушиваясь, тащится туда, гдѣ слышенъ говоръ. Да развѣ можно передать весь ужасъ, всѣ страданія, которыя создаются нѣсколькими часами боя? Если теперь, когда санитарная часть усовершенствована, многіе остаются безъ помощи, то что было тогда, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда еще женщины не посвящали себя уходу за ранеными.

Первою сестрою милосердія была Дарья, дочь матроса, жившая въ Севастополѣ. Когда прошла вѣсть, что готовится большое сраженіе, она продала свои пожитки и, сдѣлавъ запасъ тряпокъ, купила коня и поѣхала на немъ за арміей, переодѣвшись матросомъ. Въ открытомъ полѣ подъ деревомъ, не обращая вниманія на выстрѣлы, она устроила свой перевязочный пунктъ. Омывая раны, Дарья перевязывала ихъ, какъ умѣла, и тѣмъ облегчила страданія многихъ несчастныхъ. Впослѣдствіи она помѣстилась въ госпиталѣ и продолжала свое дѣло милосердія.

Невеселое было настроеніе людей, собравшихся на бивуакахъ. Первая битва съ непріятелемъ была проиграна; отступленіе, какъ и всякая неудача, ложится тяжелымъ гнетомъ; потери кажутся чувствительнѣе. нѣтъ бодрости, нѣтъ удовлетворенія, что переносимыя страданія искупаются достиженіемъ цѣли. Хотя у всѣхъ было сознаніе исполненнаго долга, хотя всѣ знали, что непріятель былъ вдвое сильнѣе и лучше вооруженъ,—досада за свое безсиліе горькимъ чувствомъ незаслуженнаго униженія бередило душу. Впереди рисовались безотрадныя картины.

Молча ложились солдаты на отдыхъ. Сквозь тучи

пробивались временами блѣдные лучи мѣсяца и скользили по измученнымъ лицамъ людей. То здѣсь, то тамъ слышался мѣрный голосъ грамотея, читавшаго отходную по убитымъ товарищамъ. Фельдфебель шопотомъ перекликалъ свою роту, считая тѣхъ, кто остался въ живыхъ. Громкаго говора или шутки нигдѣ не было слышно,—всѣ притихли, преклоняясь передъ почившими и умирающими товарищами, которые еще нѣсколько часовъ тому назадъ были здоровы, полны силъ и отваги.

Убитыхъ подъ Альмой было 5709, а сколько раненыхъ, которые были потеряны для жизни! Больше всѣхъ пострадали владимірцы,—ихъ убыло 1260 человѣкъ,—и полкъ Михаила Николаевича, потерявшій 1224 солдатъ и 28 офицеровъ.

Вся Россія, узнавъ о высадкѣ непріятеля, котораго никто не ожидалъ, съ тревогой слѣдила за тѣмъ, что творится подъ Севастополемъ; но извѣстій долго не было никакихъ. Доходили слухи о сраженіи, но что случилось, никто не зналъ. Князь Меньшиковъ не отвѣчалъ на письма и почти ничего не доносилъ въ Петербургъ; именно потому, что не было извѣстій, догадывались, что они были плохія. Самъ государь писалъ Меньшикову, упрекая его, что онъ скупъ на подробности, чѣмъ затрудняетъ возможность судить о настоящемъ положеніи дѣла и о томъ, какъ устроена оборона Севастополя; государь требовалъ подробнаго и правдиваго донесенія; ему было крайне непріятно, что онъ не въ состояніи о сю пору ничего отвѣчать на всѣ реляціи голосомъ истины; молчаніе было никому непонятно, а государю тягостно. (Письмо отъ 5-го окт.). Цѣлый мѣсяцъ ожидалъ государь подробнаго донесенія о сраженіи при Альмѣ и страшно волновался, не получая ничего подобнаго отъ главнокомандующаго вопреки даннымъ ему приказаніямъ... Положеніе Николая I передъ лицомъ

Россіи было самое непріятное, такъ какъ всѣ знали, что у него не въ обычаѣ скрывать истину, какъ бы ни была она горька. Всѣ иностранныя газеты были полны самыхъ мелочныхъ подробностей всего, что происходило у непріятеля и частію у насъ... А русскія газеты молчали и не были въ состояніи отвѣчать на то, что печатали въ Европѣ. Меньшиковъ не писалъ потому, что послѣ сраженія при Альмѣ былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа; онъ вообще не любилъ дѣлиться своими мыслями и недовѣрчиво относился ко всѣмъ окружающимъ. Онъ даже позволялъ себѣ довольно оскорбительныя замѣчанія войскамъ, упрекая ихъ въ недостаточномъ мужествѣ.

Такъ. встрѣтивъ Московскій полкъ послѣ сраженія, Меньшиковъ обратился къ нему съ такими словами:

— Благодарю васъ за отрицательную храбрость!

— Рады стараться, ваша свѣтлость, —отвѣтили солдаты, не понявъ сдѣланнаго имъ упрека.

Меньшиковъ старался на другихъ свалить неудачу перваго сраженія. Между тѣмъ современники относятся очень критически къ распорядку, сдѣланному самимъ княземъ. Ни одно сраженіе не разбиралось такъ подробно, какъ сраженіе при Альмѣ; нашъ лѣвый флангъ не имѣлъ укрѣпленій, тамъ не были выставлены хорошіе стрѣлки, которые могли бы дать отпоръ наступающему непріятелю; да и вообще вся позиція была слабо укрѣплена. Благодаря неудачно составленному плану сраженія, войска попадали подъ сильный огонь и гибли безъ руководителей; резервы не во время вводились въ дѣло. Не было устроено достаточно перевязочныхъ пунктовъ и передвижныхъ лазаретовъ. Входить въ разсмотрѣніе частностей боя есть дѣло военной науки, но все же видно изъ разсказовъ очевидцевъ, что дѣло было проиграно отъ недостаточно внимательнаго отношенія къ распорядку, какъ до битвы, такъ и во время хода сраженія.

Меньшиковъ не довѣрялъ никому, кромѣ князя Горчакова, который считался командующимъ всѣми войсками въ окрестностяхъ Севастополя; но и его онъ по возможности устранялъ отъ дѣла и мѣшалъ ему производить самостоятельныя распоряженія, что было очень непріятно Горчакову.

VII.

Защита Севастополя.

Тревожные дни переживали жители Севастополя послѣ ухода Меньшикова съ войскомъ навстрѣчу непріятелю. Съ сухого пути городъ почти что не былъ защищенъ, такъ какъ работы по возведенію укрѣпленій не были окончены. Войскъ оставалось немного, кромѣ матросовъ, которые находились на судахъ.

Необходимо было сейчасъ же приступить къ организаціи сколько-нибудь годной защиты въ случаѣ, если непріятель подойдетъ къ городу. Наскоро были собраны батальоны солдатъ, къ нимъ примкнули многіе жители города,—и работа закипѣла. Уѣзжая, Меньшиковъ поручилъ начальство надъ городомъ адмиралу Корнилову и не могъ, конечно, сдѣлать лучшаго выбора. Меньшиковъ самъ говорилъ: „Я вдохнулъ душу въ Севастопольское тѣло". Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ недаромъ служилъ подъ начальствомъ адмирала Лазарева; отъ него онъ научился добросовѣстно относиться къ дѣлу и не терять присутствія духа при самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ. Выраженіе его лица было спокойно и строго, а изъ-подъ приподнятыхъ бровей смотрѣли умные и про-

пицательные глаза. Корниловъ былъ высокаго роста, но немного сутуловатъ; голову онъ всегда держалъ высоко и во всѣхъ манерахъ и походкѣ было что-то спѣшащее, лихорадочно возбужденное. Онъ умѣлъ вдохнуть энтузіазмъ во всѣхъ окружающихъ и расположить къ необыкновенной дѣятельности.

8-го сентября жители Севастополя узнали о наступленіи непріятеля, а грохотъ отдаленныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ о началѣ сраженія. Къ вечеру канонада смолкла, и первые слухи о неудачномъ для насъ исходѣ боя начали распространяться по городу. Вскорѣ прибывшій курьеръ подтвердилъ печальныя вѣсти. Неслыханная мѣткость и дальнобойность ружей непріятельскихъ войскъ тоже сдѣлалась извѣстна и усугубила общее подавленное настроеніе.

На другой день послѣ Альминскаго сраженія Меньшиковъ повелъ войска по направленію къ Севастополю, такъ какъ не могъ выбрать такой позиціи, которая была бы удобна для расположенія оставшейся арміи. Онъ сознавалъ, что не имѣетъ достаточной силы для задержанія непріятеля, а между тѣмъ Севастопольскій гарнизонъ былъ такъ незначителенъ, что требовалъ подкрѣпленій; такія соображенія заставили Меньшикова направиться въ городъ и сдѣлать все возможное для усиленной его обороны. Мы уже знаемъ, что адмиралъ Корниловъ еще до прибытія главнокомандующаго распорядился началомъ работъ по укрѣпленію Севастополя.

VIII.

Потопленіе кораблей.

Утромъ девятаго числа Корниловъ созвалъ совѣтъ изъ адмираловъ и высшихъ чиновъ гарнизона и объявилъ, что въ виду отступленія нашей арміи непріятель можетъ подойти къ городу, открыть огонь по кораблямъ, защищающимъ входъ въ Севастопольскій рейдъ и сжечь ихъ. Поэтому Корниловъ предлагалъ выйти въ море и атаковать непріятельскій флотъ.—„При удачѣ мы уничтожимъ его,—говорилъ онъ,—а если потерпимъ неудачу, то обѣщаю взорвать часть непріятельскаго флота и умереть со славою“.

Его предложеніе не встрѣтило сочувствія: слишкомъ мало было у всѣхъ надежды на успѣхъ; явился другой планъ потопить нѣсколько старыхъ кораблей въ форватерѣ, а людей съ нихъ и съ прочихъ судовъ, остающихся на рейдѣ, употребить для усиленія защиты. Грустно было конечно пожертвовать частью славнаго черноморскаго флота, который участвовалъ въ стольких боях; болѣе тяжело было разставаться съ нимъ морякамъ и въ особенности Корнилову. Онъ съ горячностью сталъ оспаривать такой планъ, чувствуя, что большинство совѣта не на его сторонѣ. Въ это время ему доложили о приближеніи къ городу главнокомандующаго съ арміей. Корниловъ сейчасъ же отправился къ Меньшикову. Онъ ему объяснилъ все, что говорилось въ совѣтѣ, и ждалъ его приказаній.

— Затопите корабли,—коротко выразилъ Меньшиковъ Корнилову свой взглядъ на это дѣло,—команду переведите на укрѣпленія.

Корниловъ пытался отговорить главнокомандующаго;

онъ представлялъ ему, какое ужасное впечатлѣніе произведетъ уничтоженіе кораблей безъ всякой попытки сразиться съ непріятелемъ. Но Меньшиковъ стоялъ на своемъ и, раздражаясь упорствомъ Корнилова, пригрозилъ, что переведетъ его въ Николаевъ.

Меньшиковъ боялся потерь въ людяхъ при морскомъ сраженіи, а войска было и такъ немного; подкрѣпленія, о которыхъ онъ просилъ, не подходили.

— Нѣтъ,—вскричалъ Корниловъ:—я не оставлю Севастополя, окруженнаго врагомъ! Я готовъ повиноваться.

Вечеромъ 10-го сентября суда, назначенныя заградить собою рейдъ, были выведены на указанныя мѣста. Ихъ провожали вдоль берега толпы народа, съ грустью прощаясь съ кораблями, какъ съ дорогими покойниками. Все, что возможно было, свезли на берегъ. На судахъ въ послѣдній разъ сыграли зорю и спустили флаги.

Въ полночь 11-го сентября начали прорубать дно кораблей, раздался трескъ, и вода съ шумомъ бросилась въ отверстія; шесть судовъ постепенно скрылись подъ водой и только корабль „Три Святителя“ продолжалъ качаться на волнахъ. Со слезами на глазахъ глядѣли на него севастопольцы; громкій говоръ стоялъ въ толпѣ.

— Не поддается, старый!

— Боевой смерти проситъ.

— Вспоминаетъ свою побѣдную команду.

Но вотъ къ нему подошелъ пароходъ „Громоносецъ“ и повернулся бокомъ, съ котораго торчали жерла орудій.

— По своимъ бить будутъ!

— Вѣдь съ честью прослужилъ, а теперь топить собираются, —произнесъ съ тоской и упрекомъ старый матросъ.

Съ „Громоносца“ показались клубы дыма, раздался залпъ и ядра полетѣли въ подводную часть корабля. Онъ дрогнулъ, заметался и потомъ медленно, зачерпнувъ бортомъ, погрузился въ воду.

Только верхушки мачтъ торчали надъ волнами, которыя, пѣнясь, перебѣгали черезъ потопленныя суда.

Портъ пересталъ существовать: почти на годъ Севастополь обратился въ крѣпость, а моряки въ пѣхотинцевъ. Городъ вооружился орудіями, а жители терпѣніемъ и самоотверженной рѣшимостью умирать, не сдаваясь.

IX.

Приготовленія къ осадѣ.

Союзныя войска послѣ битвы при Альмѣ не рѣшились итти прямо на штурмъ, какъ этого ожидали русскіе, предполагавшіе, что они сдѣлаютъ на другой же день нападеніе на сѣверную часть Севастополя; Корниловъ и Тотлебенъ усиленно трудились надъ спѣшнымъ сооруженіемъ укрѣпленій, мужественно ожидая встрѣчи съ непріятелемъ.

Утромъ на слѣдующій день однако не было замѣтно движенія союзныхъ войскъ, и лишь послѣ полудня издали показались полки красныхъ мундировъ, которые спускались съ высотъ въ долину Черной рѣчки. Это были англійскія войска; за ними тянулись французы въ темныхъ шинеляхъ. Тысячи штыковъ блестѣли въ полуденномъ солнцѣ; ясно было, что союзники спускались къ южной сторонѣ Севастополя, минуя сѣверную, и тѣ, которые готовились отстаивать ее, вздохнули свободнѣе; зато на южной сторонѣ положеніе становилось опаснымъ.

Тамъ распоряжался другой герой Севастополя Нахимовъ; у него подъ начальствомъ не было и трехъ тысячъ человѣкъ, а линія защиты тянулась на восемь верстъ, при чемъ укрѣпленія еще далеко не были окончены.

Э. И. Тотлебенъ.

Но Корниловъ, замѣтивъ обходъ непріятеля, кинулся со своими войсками въ южную часть Севастополя; онъ принялъ начальство надъ гарнизономъ и соединенными усиліями солдатъ и жителей продолжалъ работу по сооруженію укрѣпленій. Въ ожиданіи общаго штурма, когда медлить нельзя было ни минуты, жители города, старые и малые, бѣдные и богатые,—всѣ спѣшили туда, гдѣ строились укрѣпленія, и принимали горячее участіе въ работѣ; сооруженіями завѣдывалъ знаменитый инженеръ Тотлебенъ, имя котораго неразрывно связано съ исторіей обороны Севастополя. Тотлебенъ отличался необыкновенною практичностью и умѣньемъ приспособляться къ даннымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Онъ дѣлалъ именно то, что нужно было дѣлать, и, быстро соображая потребности минуты, принималъ нужныя мѣры. Ему Севастополь обязанъ укрѣпленіями, которыя поразили непріятеля своей устойчивостью, выдерживая одиннадцать мѣсяцевъ осаду союзныхъ войскъ. Ночью люди исправляли то, что было разрушено за день. Тотлебенъ умѣлъ и въ другихъ пробудить энергію: шуткой, удачной остротой онъ располагалъ къ себѣ солдатъ, и они, работая подъ его руководствомъ, не знали устали.

Войска противника однако не рѣшились итти на приступъ, потому что сами находились далеко не въ блестящемъ положеніи. Имъ было очень затруднительно подвозить осадныя орудія и продовольствіе. Не только турки, но и англичане, и французы нуждались рѣшительно во всемъ; они вышли на берегъ съ тѣмъ, что имѣли при себѣ, и совершили походъ въ однихъ мундирахъ, не снимая ихъ нѣсколько дней. Подвозъ провіанта ожидался съ моря, а пока все войско страдало отъ холода, голода и болѣзней, въ особенности отъ холеры, которая производила большія опустошенія въ рядахъ непріятеля.

До 22-го сентября солдаты не имѣли палатокъ, мок-

ли отъ дождей и спали на сырой землѣ; въ столь непривычной обстановкѣ многіе заболѣвали ревматизмомъ.

Снарядовъ у нихъ также не было въ достаточномъ количествѣ; фашинникъ, необходимый для возведенія укрѣпленій, получался съ большимъ трудомъ, и это задерживало приготовленія къ осадѣ. Корреспонденты союзныхъ армій писали на родину самыя неутѣшительныя сообщенія. „Всѣ наши солдаты очень исхудали,—пишетъ англійскій корреспондентъ:—пыль и потъ, накопившіеся на нихъ въ теченіе долгаго времени, придаютъ имъ самый невзрачный видъ. Платье ихъ, которое они не перемѣняли уже нѣсколько недѣль, невозможно очистить. Какъ прикажете мыть его, когда воды такъ мало, что пить нечего? За стаканъ воды платятъ чуть не по рублю, свѣча стоитъ 60 коп., бутылка водки—5 руб., старыя одѣяла покупаемъ по 15 руб. за штуку“.

Въ карманахъ англичанъ было много золота, но купить они не могли ничего, чтобы доставить себѣ кое-какія удобства. Итти на штурмъ они не рѣшались, предпочитая вести правильную осаду. Они боялись сразу потерять много людей и въ случаѣ неудачи очутиться въ самомъ невыгодномъ положеніи.

Меньшиковъ, замѣтивъ, что непріятель двигается къ городу, побоялся, что его арміи отрѣжутъ сообщеніе съ Россіей, откуда онъ ждалъ подкрѣпленій и продовольствіе. Кромѣ того, онъ разсчитывалъ напасть на союзныя войска съ тылу, если они атакуютъ Севастополь съ сѣверной стороны. Основываясь на этихъ данныхъ, главнокомандующій рѣшилъ покинуть Севастополь, оставивъ тамъ только моряковъ, саперъ и нѣсколько резервныхъ батальоновъ. Этимъ объясняется, почему у Корнилова и Нахимова было такъ мало войска. Нѣсколько дней, проведенныхъ городомъ безъ всякихъ извѣстій отъ главной арміи и въ ожиданіи на-

паденія. были очень тяжелы. Только 18-го сентября показались на горизонтѣ наши войска и, вступивъ въ городъ, были встрѣчены общею радостью. Съ утра 19-го полки перевозились на пароходахъ на южную сторону Севастополя, а самъ Меньшиковъ оставался на сѣверной. Дорога въ Россію, благодаря уходу непріятельскихъ войскъ къ югу, была теперь открыта; всѣ желающіе избѣгнуть долгой осады и плѣна, который былъ вполнѣ возможенъ, могли покинуть городъ. Длинной вереницей потянулись обозы съ имуществомъ, и вся дорога до Перекопа была запружена повозками,—Севастополь значительно опустѣлъ.

Защитники его между тѣмъ не теряли времени; они все тѣснѣе окружали городъ бастіонами и другими укрѣпленіями, обращая вниманіе на всѣ слабыя стороны и постепенно ихъ улучшая. Приходилось создать огромную линію такихъ преградъ, которыя не допустили бы непріятеля взять городъ открытою силою. Тысяча тружениковъ выкидывали изъ рвовъ землю и насыпали непрерывный валъ, соединяющій бастіоны, овладѣть которыми противнику понадобилось почти годъ. У многихъ изъ защитниковъ оставались въ городѣ жена и дѣти и кое-какое имущество; но кромѣ семьи у всѣхъ была одна общая мысль: сдѣлать все для защиты родной земли. Высокій подвигъ совершалъ народъ во имя этой родины, которая для многихъ была очень суровой матерью. Въ то время еще царило крѣпостное право, а солдатская жизнь находилась подъ гнетомъ тяжелой дисциплины, да и срокъ службы былъ такой долгій, что солдаты почти стариками возвращались домой. Но душа русскаго человѣка незлопамятна, а доброе слово, сказанное во-время, вдохновляетъ его на подвиги и на геройскую смерть.

Вотъ пѣсня русскаго солдата того времени:

Все съ крестомъ—и жизнь и сила.
Съ нимъ родишься въ міръ земной,

Съ нимъ живешь, и на могилѣ
Онъ же станетъ надъ тобой.
* *
*
Помни это—и молиться
Передъ нимъ не забывай,
За него идешь ты биться—
За него и умирай.
* *
Что жалѣть солдату жизни?
Всѣмъ лежать въ землѣ сырой;
А кто отдалъ жизнь отчизнѣ,
Тотъ безсмертенъ, какъ герой!

Такъ пѣли русскіе солдаты, готовясь къ борьбѣ съ врагомъ.

Черезъ Меньшикова войска и жители Севастополя получили благодарность Николая I за усердіе. Императоръ въ письмѣ выражалъ надежду, что русскіе сумѣютъ защитить „родимый край и вѣру", и призывалъ на нихъ благословеніе свыше.

Главнокомандующій приказалъ выдавать работавшимъ на укрѣпленіяхъ по двѣ чарки водки. Корниловъ, который постоянно заботился о войскахъ, выхлопоталъ имъ усиленное довольствіе и деньги за работу; онъ отпустилъ въ полки паруса для палатокъ и теплыя рубахи морскимъ нижнимъ чинамъ.

На прилагаемой картѣ обозначены всѣ бастіоны кругомъ города, начиная отъ 1-го и 2-го, около моря, и кончая 8-мъ бастіономъ съ восточной стороны Севастополя, около Корабельной бухты. Французскія войска раскинули свой лагерь на разстояніи 3-хъ верстъ противъ 4-го, 5-го, 6-го и 7-го бастіоновъ и начали возводить батареи на разстояніи 500 саженъ, съ цѣлью сбить нашу артиллерію, выставленную на бастіонахъ. Они приняли на себя атаку Городской стороны. Тотчасъ же означенные бастіоны начали еще сильнѣе укрѣпляться, и на нихъ было установлено болѣе сорока орудій и устроенъ запасной паркъ изъ восьми орудій на случай порчи. Правѣе французовъ рас-

положились англійскія войска до Черной рѣчки и на обрывахъ Сапунъ - горы для атаки Корабельной стороны. Турецкая дивизія служила резервомъ и должна была выступить на подкрѣпленіе по первому требованію.

Сообразно съ работами непріятеля и у насъ возводились новыя укрѣпленія; особенное вниманіе было обращено на оборону Городского оврага, такъ какъ съ этой стороны болѣе всего опасались нападенія непріятеля. Здѣсь вывели оборонительную линію между 4-мъ бастіономъ и редутомъ № 1 (Шварца). Лѣвая сторона 4-го бастіона образовалась изъ насыпи въ 6 футовъ высоты и толщины и была приспособлена для ружейной обороны.

Съ Корабельной стороны была устроена земляная батарея № 5-й (Никонова), и на ней поставлено 10 орудій.

Около Малахова кургана, правѣе Саперной дороги, расположили 6-ю батарею (Жерве), а для прикрытія башни Малахова кургана сооруженъ вокругъ всей возвышенности земляной валъ въ 10 ф. вышины. Малаховъ курганъ по своей высотѣ являлся ключемъ всей оборонительной позиціи и потому на защиту его должны были обратить особенное вниманіе, между тѣмъ по направленію къ 1-му бастіону оборона его была еще далеко не устроена, какъ слѣдуетъ.

Когда главныя укрѣпленія были возведены и орудія на нихъ разставлены, Корниловъ приступилъ къ преобразованію морскихъ батальоновъ, составленныхъ изъ разныхъ командъ, въ флотскіе экипажи. Подчинивъ каждый экипажъ своему прямому начальнику, онъ расположилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: 31-й на 1-й дистанціи оборонительной линіи; 29-й, 32-й, 34-й и 37-й на 2-й дистанціи; 38-й, 40-й, 41 й и 45-й экипажи на 3-й дистанціи; 35-й, 36-й, 39-й и 44-й на 4-й дистанціи; 30-й флотскій экипажъ оставленъ на кораблѣ „Ягудіилъ“ для обо-

роны гавани. Эти четыре дистанціи находились подъ начальствомъ: Первая, отъ рейда до редута Шварца, построеннаго между 4-мъ и 5-мъ бастіонами, была поручена генералу Аслановичу; вторая, заключавшая въ себѣ 4-й бастіонъ съ боковыми батареями до городского бульвара, ввѣрена была вице-адмиралу Новосильскому; третья дистанція, въ которую входилъ третій бастіонъ съ боковыми батареями, отъ городского бульвара до морского госпиталя, поступила подъ начальство контръ-адмирала Панфилова; все же остальное пространство до Киленъ-балки, составлявшее четвертую дистанцію, находилось въ вѣдѣніи контръ-адмирала Истомина.

Преобразованіе, сдѣланное Корниловымъ,—соединеніе людей въ экипажи и размѣщеніе ихъ,—имѣло громадное значеніе въ жизни Севастополя. Успѣхи первыхъ дней обороны зависѣли исключительно отъ стойкости моряковъ Черноморскаго флота, хотя затѣмъ, конечно, въ продолженіе обороны столь же храбро сражались и другія войска. Корниловъ размѣстилъ экипажи такъ, что каждый изъ адмираловъ, командовавшій упомянутыми дистанціями, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ тѣ же самыя части, которыми командовалъ на судахъ; командиры кораблей и экипажей назначались начальниками тѣхъ бастіоновъ или батарей, на которыхъ стояли ввѣренные ихъ командованію офицеры и нижніе чины. Такимъ образомъ были соблюдены условія старшинства, единоначалія и нераздробляемости отдѣльныхъ частей. Матросы перенесли на бастіоны и батареи всѣ порядки, которые они привыкли исполнять на судахъ, теперь ими оставленныя. Они точно такъ же держали вахты съ безсонными ночами, ввели всюду морскіе термины и названія; по свистку боцмана матросы призывались къ обѣду, на работы и т. д.

Бруствера напоминали матросамъ борта ихъ кораблей, а темныя и тѣсныя землянки и устроенные впослѣдствіи

блиндажи — кубрики судовъ. Вода на батареяхъ хранилась въ цистернахъ, врытыхъ въ землю. Время считалось склянками или песочными часами и каждые полчаса часовой возвѣщалъ ударомъ въ колоколъ. Въ такой знакомой обстановкѣ матросы легко привыкли къ службѣ на сухопутныхъ батареяхъ.

Назначеніе флотскихъ офицеровъ командирами бастіоновъ имѣло еще и ту выгоду, что по условіямъ своей службы онъ смотрѣлъ на бастіонъ, какъ на корабль, гдѣ обязанъ заботиться обо всемъ до мельчайшихъ подробностей; поэтому и теперь, очутившись на бастіонахъ, офицеры хлопотали о ихъ укрѣпленіи, не дожидаясь распоряженій и указаній инженеровъ; они разставляли орудія, запасались зарядами и продовольствіемъ, не сваливая на другихъ эти обязанности. Моряки дѣйствовали во всемъ самостоятельно, обращая вниманіе на каждую подробность для усиленія средствъ обороны, а въ то тяжелое для Севастополя время такая распорядительность имѣла громадное значеніе.

Союзники между тѣмъ тоже не теряли времени и сооружали батареи и траншеи; но по характеру мѣстности и по малочисленности войскъ они могли обложить городъ только съ одной стороны и не имѣли возможности отрѣзать Севастополь отъ остальной Россіи и помѣшать доставкѣ продовольствія, боевыхъ припасовъ и подкрѣпленій. Приступая къ правильной осадѣ крѣпости, непріятельскія войска могли подвигаться впередъ лишь очень медленно; поэтому защитникамъ и удалось въ теченіе этого времени, около двухъ недѣль, возвести довольно значительныя укрѣпленія. Правда, англичане говорили, что эти укрѣпленія сооружаются только для того, чтобы они ихъ разрушили, но на дѣлѣ оказалось другое.

„Круглый фортъ направо (Малаховъ курганъ), — пишетъ одинъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ: — почти

скрылся за огромными земляными насыпями, которыя русскіе возвели прошлою ночью и сегодня... Воздвигнуты новые редуты, построены бруствера... Непріятель заслуживаетъ величайшую похвалу своею энергіею".

Вскорѣ русскія войска начали безпокоить непріятеля; ежедневно цѣпь штуцерныхъ выдвигалась впередъ за оборонительную линію и своими выстрѣлами мѣшала его работамъ. Меньшиковъ на дѣлѣ видѣлъ все значеніе штуцернаго огня и просилъ о высылкѣ ему стрѣлковаго батальона, который и прибылъ въ срединѣ октября.

Между тѣмъ приближался знаменательный день 5-го октября, первой бомбардировки Севастополя.

X.

Первыя жертвы.

До сихъ поръ всѣ были заняты мирной работой, затрачивая громадную энергію, чтобы приготовить все для другой работы, цѣлью которой было поразить врага и самимъ укрыться отъ его истребительныхъ орудій. Пороховой дымъ еще не окутывалъ города, люди двигались спокойно и казалось, что эта тишина еще долго не будетъ нарушена. Никто не хотѣлъ думать о томъ часѣ, когда прольется первая кровь. Но какъ и въ жизни человѣка одна страница перевертывается за другой и не знаешь, что сулитъ слѣдующая и скоро-ли придется перевернуть послѣднюю, такъ и въ жизни народовъ внезапно наступаетъ грозный переворотъ, похожій на страшную бурю, которая все сноситъ на своемъ пути.

Работа по постройкѣ бастіоновъ и укрѣпленій въ самой себѣ носила зародышъ смерти, ибо сооружалось все для истребленія, а не для мирной, культурной жизни, которая вноситъ радость въ сердца людей. Сѣрый пасмурный день 5-го октября былъ для многихъ участниковъ обороны послѣднимъ; а сколько было людей, дни которыхъ тоже были сочтены, хотя они и пережили роковое 5-е октября:

Накануне Корниловъ, слѣдя за работой непріятеля говорилъ: „Завтра будетъ жаркій день! Англичане употребятъ всѣ средства, чтобы произвести полный эффектъ; я опасаюсь за большія потери отъ непривычки; впрочемъ наши молодцы скоро устроятся,—безъ урона же сдѣлать ничего нельзя, а жаль, многіе изъ нихъ завтра слягутъ". А пока солдаты готовились къ полковому празднику Московскаго полка, который приходился какъ разъ на 5-е октября. Всюду замѣтно было оживленіе; въ кухняхъ пекли пироги и варились жирныя щи. Солдаты надѣялись хорошо закусить и выпить. Вечеромъ наканунѣ праздника около казармъ играла музыка и веселыя пѣсни разносились далеко по окрестностямъ.

Утромъ на другой день густой туманъ заволокъ весь городъ и только въ седьмомъ часу началъ понемногу разсѣиваться. На французскихъ батареяхъ было замѣтно, какъ люди открывали амбразуры, изъ которыхъ торчали жерла пушекъ. Но этому не было придано особаго значенія. Около 3-го бастіона собрался Московскій полкъ и начался молебенъ, но въ это самое время три сигнальныхъ выстрѣла подали знакъ къ началу стрѣльбы по осажденному городу. Вслѣдъ за свистомъ этихъ ядеръ открыли огонь 49 орудій французскихъ и 71 англійскихъ.

Въ отвѣтъ непріятельскимъ пушкамъ грянули выстрѣлы изъ нашихъ 118 орудій. Въ городѣ выстрѣлы произвели общее смятеніе; всѣ, кромѣ прислуги при ору-

діяхъ, начали искать защиты отъ летѣвшихъ ядеръ. Но укрыться было нелегко; наскоро устроенныя защиты, траверзы—насыпи—разлетались вдребезги, когда въ нихъ попадало ядро. Для сообщенія между бастіонами не было закрытыхъ путей и бѣжавшіе на подмогу войска попадали подъ выстрѣлы.

Тучи снарядовъ перелетали въ воздухѣ; ядра, бомбы, гранаты, камни, щебень, земля—кружились и вертѣлись среди порохового дыма. Повсюду лопались гранаты, взлетали осколки и причиняли тяжкія пораненія и смерть. Непріятельскіе снаряды попадали даже въ самый городъ и тамъ производили опустошенія. Воздухъ былъ до того сгущенъ, что трудно было дышать; земля дрожала и листья трепетали на деревьяхъ. Откуда-то появился монахъ, имя котораго такъ и не узнали; онъ обходилъ съ крестомъ въ рукахъ ряды защитниковъ.

Какъ только раздались первые выстрѣлы, Нахимовъ и Корниловъ вскочили на коней и отправились на 4-й и 5-й бастіоны; 4-й бастіонъ обстрѣливался непріятелемъ особенно усердно; внутри него французскія бомбы скрещивались съ англійскими ядрами.

Напрасно окружающіе уговаривали Владиміра Алексѣевича Корнилова поберечь себя,—онъ не слушалъ ихъ и переходилъ отъ одного орудія къ другому, указывая солдатамъ, куда цѣлить. Лицо его было спокойно, глаза свѣтились ярче обыкновеннаго; онъ выпрямился и смѣло обратилъ свой взоръ въ сторону непріятеля.

На 5-омъ бастіонѣ распоряжался Нахимовъ, презирая всякую опасность; онъ чуть не погибъ въ самомъ началѣ боя, получивъ рану въ голову.

— Вы ранены?—обратился къ нему офицеръ.

— Не правда-съ,—отвѣтилъ Нахимовъ съ неудовольствіемъ, желая скрыть рану отъ матросовъ, которые его очень любили.

— Слишкомъ мало-съ, чтобы объ этомъ заботиться, слишкомъ мало-съ,—повторялъ онъ.

Корниловъ и Нахимовъ долго стояли открыто подъ огнемъ союзниковъ и слѣдили за полетомъ нашихъ снарядовъ; ядра свистѣли, обдавая стоявшихъ землею и кровью убитыхъ; борьба разгоралась ужасная. Солдаты быстро заряжали орудія, смѣняли убитыхъ товарищей, убирали подбитыя пушки и подкатывали запасныя. Великіе подвиги совершались этими простыми людьми, которые, не дожидаясь ни указаній, ни приказовъ, спокойно дѣлали свое дѣло.

Корниловъ простился съ Нахимовымъ и отправился на 3-й бастіонъ, который болѣе другихъ страдалъ отъ потерь; людей выбыло такъ много, что батареи едва могли продолжать стрѣльбу. Многія орудія были подбиты; площадь позади бастіона вся изрыта непріятельскими ядрами и покрыта обломками и осколками снарядовъ. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, Корниловъ направился на Малаховъ курганъ, который тоже сильно страдалъ отъ непрерывнаго огня англійскихъ батарей. Сопровождавшій его офицеръ опять обратился къ нему съ просьбой не рисковать напрасно жизнью.

— Здѣсь очень опасно,—предупредилъ онъ адмирала.

— Опасность по всей оборонительной линіи,—отвѣтилъ Корниловъ. — Время ли теперь думать объ опасности?

Онъ осмотрѣлся и, увидавъ знакомаго матроса, поздоровался съ нимъ.

— А! Ангеловъ... здоровъ?

— Благодарю покорно, ваше превосходительство,— отвѣтилъ небольшого роста коренастый матросъ.—Только ужъ очень онъ надоѣдаетъ.—Солдаты всегда о непріятелѣ выражались въ третьемъ лицѣ.

В. А. Корниловъ.

— А ты не уступай,—пошутилъ Корниловъ и отошелъ.

— Ну, вотъ теперь, пожалуй, и поѣдемъ,—обратился онъ къ окружающимъ.

Было какъ разъ половина двѣнадцатаго. Не успѣлъ Корниловъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ ядро оторвало ему ногу у самаго бедра и онъ упалъ. Всѣ бросились къ нему и, поднявъ, перенесли за насыпь.

—Предоставляю вамъ, господа, отстаивать Севастополь,—произнесъ Корниловъ:—не отдавайте его.—Онъ скоро .впалъ въ безпамятство.

Грустная вѣсть о смертельной ранѣ любимаго адмирала быстро разнеслась по Севастополю. Всѣ пріуныли, искренно жалѣя этого заботливаго и справедливаго начальника. Черезъ два часа Корнилова не стало. Послѣдними его словами были:

— Хорошо умирать, когда совѣсть спокойна.

Въ память Корнилова укрѣпленія Малахова кургана были названы Корниловскими бастіонами.

Бой между тѣмъ разгорался все сильнѣе и сильнѣе.

Передавать всѣ подробности, какъ этой бомбардировки, такъ и послѣдующихъ, значитъ писать длинный мортиролôгъ нашего солдата. Въ эти первые часы боя никто еще не освоился съ мыслью объ опасности. Еще не наступило то время, когда страшныя слова: раненъ, убитъ, контуженъ, произносятся съ тѣмъ-же равнодушіемъ, какъ извѣстіе о простомъ заболѣваніи.

Еще видъ крови, видъ обезображенныхъ труповъ, оторванной руки или ноги, валяющейся обожженой головы—приводилъ въ трепетъ и смущеніе...

Въ первыя минуты еще всѣ ходятъ потерянно, и хотя смотрятъ бодро, но сердце то невольно сжимается, то бьется такъ сильно, что отзывается острою болью. Всѣмъ чудится, что ядро или пуля сейчасъ ударитъ прямо

въ лицо, или бомба упадетъ прямо на голову. Въ эти минуты призывается вся сила воли, и пока не придетъ эта сила, все хочется перемѣнить мѣсто, податься на вершокъ вправо, затѣмъ отодвинуться на полвершка—и именно на полвершка—влѣво, или склонить чуть-чуть на сторону голову. При переходѣ, хочется шагъ то ускорить, то замедлить, то на одно мгновеніе пріостановиться. Въ эти минуты все путается, все мечется, и человѣкъ не отдаетъ себѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Но прошелъ часъ - другой пребыванія въ этомъ аду, и чувство жалости, какъ и чувство страха, притупляются.

Крики: „носилки!“ никого уже не смущаютъ; раненъ, контуженъ, убитъ,—такія слова произносятся съ равнодушіемъ; гулъ орудій перестаетъ казаться громкимъ; даже находятся охотники слѣдить за медленнымъ и красивымъ полетомъ бомбы.

Въ день 5-го октября снарядовъ было выпущено съ нашей стороны около 20.000, а со стороны противника около 9000. Солдатъ выбыло изъ строя у насъ 1.112 человѣкъ, изъ нихъ 184 убитыхъ, а въ союзныхъ войскахъ убыло 384 человѣка.

5-й бастіонъ былъ почти совсѣмъ уничтоженъ и его легко было захватить союзникамъ; также легко они могли завладѣть и Малаховымъ курганомъ. Но, хотя войска у нихъ стояли наготовѣ, ожидая приказанія перейти въ наступленіе, непріятель не произвелъ штурма, и день этотъ кончился сравнительно благополучно.

А сколько впереди еще предстояло и потерь и страданій, сколько погибшихъ надеждъ! Испытанія защитниковъ только начались, но терпѣливъ человѣкъ, и самое ужасное становится привычнымъ, когда это ужасное свершается каждый день.

XI.

Послѣдующія событія.

Наступила ночь, на темномъ небѣ зажглись звѣзды; умолкли выстрѣлы. Измученные продолжительнымъ боемъ, солдаты падали тутъ же, около орудій, чтобы хоть немного перевести духъ и отдохнуть. Менѣе уставшіе шли въ городъ, чтобы добыть себѣ пищу; въ этотъ день съ самаго утра никто ничего не ѣлъ, никто не бралъ въ ротъ ни куска хлѣба, ни капли воды. Отдохнувъ и подкрѣпивъ себя пищей, солдаты начали вспоминать подробности вчерашняго дня, который казался имъ ужаснымъ сномъ. По улицамъ все еще носили раненыхъ и убитыхъ.

Но отдохнуть какъ слѣдуетъ въ эту ночь солдатамъ не пришлось,—надо было исправлять разрушенныя укрѣпленія; съ утра бомбардировка возобновилась и повторилось почти то же, что было наканунѣ. Солдаты однако уже не такъ тревожились, видя летящія бомбы, и нерѣдко перекидывались разными шутками и прибаутками.

— Вотъ летитъ змѣй-горынычъ, шумитъ, гремитъ,— засмѣялся артиллеристъ указывая на бомбу. Въ эту минуту нѣсколько молодыхъ солдатъ невольно склонились передъ летѣвшимъ на нихъ чудовищемъ.

— Не наклоняйся,—подшучивалъ болѣе опытный солдатъ:—всякому ядру станешь кланяться, свихнешь шею; погоди, коли попадетъ, само сломитъ.

На бастіонъ упала огромнаго размѣра англійская бомба и, крутясь, грозно шипѣла близъ собравшейся толпы матросовъ.

— Не сердись, толстуха,—сказалъ одинъ изъ нихъ:— никого не испугаешь,—у меня теща сердитѣе тебя, а

я и ея не боюсь,—и съ этими словами залѣпилъ трубку бомбы грязью.

Часовой, слѣдящій за полетомъ непріятельскихъ ядеръ кричитъ: „пушка!“ или—„маркела!“ (мортира), а солдаты въ это время спокойно исполняютъ свои обязанности. Но вотъ раздался свистъ, ударъ и разрывъ бомбы, а вслѣдъ затѣмъ кто-то сильно застоналъ. Въ крови и грязи лежитъ матросъ, на лицѣ его виденъ прежде всего испугъ, но онъ быстро смѣняется выраженіемъ какой-то восторженности; взглядъ проясняется и, съ трудомъ приподнявъ голову, онъ говоритъ товарищамъ, которые укладываютъ его на носилки:—„Простите братцы!“ Онъ хочетъ сказать еще что-то, но повторяетъ тѣ же слова, и въ нихъ звучитъ трогательная, безконечная скорбь человѣка, который чувствуетъ, что насталъ его послѣдній часъ. У матроса вырвана часть груди и оторвана рука.

Товарищъ подходитъ къ раненому, надѣваетъ ему фуражку на голову и, простоявъ надъ нимъ съ минуту, отходитъ къ своему орудію.

И каждый день такія сцены повторяются все чаще и чаще.

Вотъ что говоритъ Л. Толстой о нашихъ солдатахъ:

„То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало-напряженно и усиленно, что, вы убѣждены, они могутъ сдѣлать въ сто разъ больше—они все могутъ сдѣлать.

„Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей, такъ же спокойно живущихъ подъ ядрами, при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди безпрерывнаго труда, бдѣнія и грязи.

Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія; должна быть другая высокая, побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго,—любовь къ родинѣ.

„Только теперь разсказы о первыхъ временахъ обороны Севастополя, когда въ немъ не было укрѣпленій, не было войскъ... только теперь разсказы про эти времена перестали быть для васъ прекраснымъ историческимъ преданіемъ, но сдѣлались достовѣрностью, фактомъ. Вы ясно поймете, вообразите себѣ тѣхъ людей, которыхъ вы сейчасъ видѣли, тѣми героями, которые въ тѣ тяжелыя времена не упали, а возвышались духомъ и съ наслажденіемъ готовились къ смерти, не за городъ, а за родину. Надолго оставитъ въ Россіи великіе слѣды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій“...

Чтобы ослабить силу союзныхъ войскъ и помѣшать ихъ неумолкаемой бомбардировкѣ, главнокомандующій Меньшиковъ собирался самъ напасть на непріятеля, но не могъ этого сдѣлать, потому что имѣлъ слишкомъ мало войскъ. Наконецъ начали подходить подкрѣпленія; прежде другихъ явилась 12-я пѣхотная дивизія подъ начальствомъ Липранди. Сейчасъ же было сдѣлано распоряженіе атаковать непріятеля въ тылъ, по направленію къ Балаклавѣ, гдѣ находились главные склады англійской арміи. Къ 13-му октября войска спустились въ долину Черной рѣчки и расположились бивуакомъ около дер. Чоргунъ. Утромъ этого числа началось наступленіе, которое окончилось удачей для нашихъ войскъ. Англійская кавалерія была совершенно разбита и другіе полки, англійскіе и турецкіе, понесли большія потери.

Эта удача побудила главнокомандующаго дать еще

сраженіе непріятелю, которое извѣстно подъ именемъ Инкерманскаго. Для этого было сформировано два отряда: одинъ—подъ начальствомъ генерала Соймонова, другой—подъ начальствомъ генерала Павлова. Подъ командой у Соймонова было 38 орудій и около 19 тыс. человѣкъ, у Павлова 96 орудій и около 16 тыс. человѣкъ. Для лучшаго успѣха наступательныхъ дѣйствій отряды должны были соединиться, и тогда команда надъ ними переходила къ генералу Даненбергу.

XII.

Инкерманское сраженіе 24-го октября.

Объ этомъ сраженіи было много писано донесеній, много о немъ сохранилось и личныхъ воспоминаній, но всѣ извѣстія сводятся къ тому, что, благодаря отсутствію настоящаго серьезнаго распорядка, весь героизмъ нашихъ войскъ оказался безполезнымъ. Наканунѣ шелъ сильный дождь, почва размокла,—и люди, карабкаясь по крутымъ отвѣсамъ, скользили, падали и теряли свои силы въ напрасныхъ попыткахъ взбираться на крутизны. Ночью холодный дождь продолжался, и иззябшіе солдаты едва отогрѣвались около костровъ въ своихъ тонкихъ промокшихъ шинеляхъ.

Первымъ выступилъ отрядъ Соймонова еще за полчаса до разсвѣта и, взобравшись съ трудомъ на высоты, увидѣлъ передъ собою два непріятельскихъ укрѣпленія, за которыми собирались англійскія войска. Сперва они растерялись подъ натискомъ нашихъ батальоновъ Томскаго, Колыванскаго и Екатеринбургскаго полковъ, но,

замѣтивъ немногочисленность нашихъ силъ, обрушились противъ нихъ съ возрастающею яростью. Полтора часа эти батальоны боролись противъ всей англійской арміи, пока на помощь имъ не подоспѣлъ отрядъ генерала Павлова. Павловъ вышелъ позже и кромѣ того задержался, встрѣтивъ большое затрудненіе при подъемѣ въ гору. Подъ его начальствомъ Бородинскій и Тарутинскій полки стремительно бросились на непріятеля и оттѣснили его. Укрѣпленіе англичанъ нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки. Батареи отряда Соймонова были выдвинуты впередъ и поражали непріятеля. Въ то время, какъ бородинцы и тарутинцы боролись за укрѣпленіе, полки Колыванскій, Томскій и Екатеринбургскій понесли такія потери, что поневолѣ должны были остановиться. Одушевляя войска, генералъ Соймоновъ палъ въ самомъ началѣ сраженія, убиты были и другіе начальники и большое число солдатъ. Англичане между тѣмъ атаковали бородинцевъ и тарутинцевъ, которые понесли столь тяжкія потери, что отступили и отошли на прежнія позиціи въ Инкерманской долинѣ.

Было еще только 8 час. утра, когда первый актъ боя кончился, и сраженіе обратилось въ артиллерійскую перестрѣлку. Противники стояли другъ передъ другомъ и готовились къ новой схваткѣ. Къ англичанамъ на помощь торопились французы. Генералъ Даненбергъ, принявшій начальство надъ войсками, двинулъ впередъ Охотскій полкъ, а за нимъ Якутскій и Селенгинскій; съ лѣвой стороны была выдвинута артиллерія.

Охотцы бросились въ атаку, оттѣснили англичанъ и достигли той батареи, которая незадолго передъ тѣмъ была орошена кровью бородинцевъ и тарутинцевъ. Охотцы перелѣзали черезъ насыпь, проникали нѣсколько разъ внутрь укрѣпленія; обѣ стороны сражались въ разсыпную, въ одиночку, чѣмъ попало,—штыками, прикладами,

камнями, обломками оружія. Ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить; густой туманъ окутывалъ изнемогающихъ въ отчаяніи солдатъ. Англичане были выбиты, но имъ на помощь подоспѣли новыя силы, которыя набросились на охотцевъ. Однако, англійскія войска были вскорѣ окружены Охотскимъ, Якутскимъ и Селенгинскимъ полками и, потерявъ своего генерала, пришли въ смущеніе. Они съ трудомъ пробились сквозь линіи якутцевъ, которые зашли имъ въ тылъ.

На помощь англичанамъ прибыли французы, но наши войска начали тѣснить и вновь прибывшихъ: охотцы и якутцы съ фронта, стрѣлки селенгинцевъ съ тыла. Минута была критическая. Еще нѣсколько усилій,—и побѣда была бы за русскими. Но наши войска не получали подкрѣпленій, а двухъ-часовой бой, съ большими потерями истощилъ ихъ силы. Охотцевъ осталось лишь 40 человѣкъ и десять офицеровъ. На помощь союзнымъ войскамъ подоспѣли зуавы, алжирскіе стрѣлки и конные егеря, и перевѣсъ перешелъ на ихъ сторону. Наши полки начали отступать и подъ прикрытіемъ выдвинутаго изъ резерва Владимірскаго полка, который принялъ на себя натискъ непріятеля, отошли къ позиціямъ. Съ отступленіемъ Владимірскаго полка кончилось Инкерманское сраженіе, одно изъ самыхъ кровопролитныхъ данной эпохи. Смолкли выстрѣлы на Инкерманскихъ высотахъ и наступилъ вечеръ 24 октября. Всего за этотъ день у насъ было убито и выбыло изъ строя 4 генерала, 281 офицеровъ и 10.442 нижнихъ чиновъ.

Здѣсь передана лишь схема сраженія, которая не даетъ понятія о тѣхъ подробностяхъ, полныя ужаса, которыя сообщаетъ одинъ изъ участниковъ. Обратимся къ его воспоминаніямъ и отдернемъ завѣсу надъ этимъ сраженіемъ; узнаемъ, какъ страдали люди, какая происходила суета, сколько было невыясненнаго въ самой диспозиціи

войскъ, отчего и происходили неудачи, обратившія въ ничто усилія столькихъ тысячъ солдатъ.

„Прошелъ день сраженія 24-го октября,—говоритъ Алябинъ въ своихъ запискахъ,—и слава Богу, что прошелъ; но лучше ему было и не родиться. О, какъ много въ этотъ день пролито крови и по милости его сколько прольется слезъ!

„Цѣль вчерашняго сраженія была отбросить отъ Севастополя правый флангъ непріятеля, утвердиться самимъ на этомъ пунктѣ и заставить союзниковъ снять осаду города. Мы не достигли своей цѣли, понесли большую потерю, хотя нанесли большой уронъ и непріятелю, и отступили на эту же позицію, съ которой начали наступленіе. На полѣ битвы мы оставили большую часть своихъ убитыхъ и раненыхъ, не подобравъ ихъ, оставили много оружія и амуниціи.

„Разстроенные ряды войска съ трудомъ начали смыкаться. Полковые адъютанты не могутъ свести счетъ людямъ. Фельдфебели перебиты, переранены; очень много выбыло изъ строя ротныхъ командировъ, адъютантовъ, унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ.

„Утромъ, до начала битвы, у многихъ было предчувствіе неудачи, потому что диспозиціи были не выяснены и одна противорѣчила другой. Могла выйти путаница. Другіе, напротивъ, увѣряли, что мы накроемъ непріятеля, „какъ куропатокъ“.

„Не прошло и двухъ часовъ послѣ начала битвы, какъ получилась слѣдующая картина.

„Поскакавъ по направленію къ оврагу, гдѣ каменоломни, я увидѣлъ страшное зрѣлище: весь оврагъ каменоломни былъ, такъ сказать, заваленъ убитыми и ранеными. Происходила невообразимая суматоха. Солдаты всѣхъ полковъ столпились въ огромную массу, наводнившую собою все пространство, отъ отвѣсныхъ стѣнъ бе-

рега до самой рѣчки. Офицеры силились разобрать ихъ по полкамъ и теряли силы въ безполезныхъ усиліяхъ. Я поскакалъ къ перевязочному пункту и захватилъ нѣсколько полуфурокъ для перевозки раненыхъ. О, какихъ картинъ я былъ при этомъ зрителемъ! Сценъ, раздирающихъ душу самымъ воспоминаніемъ о нихъ!

— „Батюшка, ваше благородіе, возьмите меня!“ кричалъ одинъ.—„Не покидай меня, кормилецъ!“ стоналъ другой, ползя съ оторванной ногой. Третій, десятый, сотый очами молитъ о помощи или медленно, съ усиліемъ, можетъ только поднять руку, давая знакъ жизни! Не слушая криковъ и воплей, я сажалъ на полуфурокъ раненыхъ, сколько могъ ихъ помѣстить и отправилъ этотъ кровавый транспортъ. Эти же полуфурки нѣсколько разъ ѣздили взадъ и впередъ.... Непріятель между тѣмъ сталъ уже обстрѣливать мостъ, черезъ который отступали войска, и одна граната даже упала на перевязочный пунктъ и произвела тутъ ужасныя сцены. Многіе доктора и священники бросились бѣжать; раненый, которому начата и не кончена ампутація, страдалецъ, едва дышавшій,—все бѣжало, ползло, тащилось; между ними скакали и давили людей фурштаты, торопившіеся уѣхать изъ опасныхъ мѣстъ, не обращая вниманія на раненыхъ, для которыхъ они были назначены.

„Печальная была картина: раздирающіе душу вопли, крики отчаянія слышались въ перевязочномъ пунктѣ, вмѣсто помощи и словъ утѣшенія. Сердце надрывалось, глядя на несчастныхъ, всюду разбросанныхъ, облитыхъ собственною кровью.

„Очень трудно разсказать сколько-нибудь связно дѣло 24 октября, потому что послѣ разгара боя въ немъ не было никакой системы.

„Все это дѣло было хаосомъ, въ которомъ носилась смерть и гибель; о порядкѣ не было и помину. Въ мо-

ментъ сраженія никто не могъ знать и понимать, гдѣ что дѣлается, потому что все и вездѣ дѣлалось по преимуществу подъ вліяніемъ случая: видятъ батарею—бросаются и стараются ее взять, не разсуждая, нужно ли брать ее и стоитъ ли брать, и что изъ этого произойдетъ; видятъ непріятеля—или стрѣляютъ въ него, или бросаются на него, или отступаютъ, не подумавъ, что именно нужнѣе для счастливаго исхода общаго-то дѣла: наступать, стоять и отбиваться, или отступать поспѣшно на извѣстный пунктъ".

Много споровъ и неудовольствій вызвалъ этотъ несчастный бой; начальники ссорились и упрекали другъ друга, и всю неудачу дѣла сваливали на Соймонова, погибшаго геройской смертью еще въ началѣ боя; онъ былъ мертвъ и потому не могъ оправдаться, а другимъ легко было находить оправданіе въ обвиненіи человѣка, выбывшаго изъ строя.

Много было выказано въ этотъ день храбрости и мужества отдѣльными лицами, и весь бой отъ начала до конца состоялъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ геройскихъ подвиговъ тѣхъ полковъ, которые принимали въ немъ участіе. Неровная мѣстность съ ущельями и оврагами еще увеличивала тяжесть и опасность боя. Словно морскія волны, набѣгали полки и разбивались, какъ разбиваются волны о каменные утесы. Борьба грудь съ грудью, отчаянныя атаки въ ущельяхъ, въ трущобахъ — вотъ въ чемъ состояло сраженіе подъ Инкерманомъ.

XIII.

Послѣ битвы.

Медленно и невесело собирались наши солдаты къ оставленнымъ утромъ бивуакамъ. За ними тянулись длинной вереницей раненые; измученные жаждой и усталостью, они присаживались на краю дороги. Откуда-то взялась старуха-матроска съ большимъ горшкомъ тѣста, сковородой и вязанкой дровъ. Она живо развела огонь, разожгла сковороду и, обливъ ее постнымъ масломъ, начала печь оладьи, которыми угощала раненыхъ. Когда весь запасъ тѣста вышелъ, она затушила огонь и ушла, не принявъ никакой платы за свои труды.

На позиціи войска размѣстились въ грустной тишинѣ; вчера еще здѣсь раздавались пѣсни и громкій говоръ, а теперь всѣ пріуныли. Многіе не досчитывались товарищей.

Въ шалашахъ, гдѣ помѣщались по пяти, по шести человѣкъ, теперь лежали по-двое, по-трое и тихо переговаривались о своихъ впечатлѣніяхъ.

Не веселѣе было настроеніе и въ союзныхъ войскахъ, гдѣ потери также оказались довольно значительны.

Съ англичанами пріѣхало много женъ и сестеръ, и онѣ ходили по усѣянному тѣлами полю и съ громкимъ плачемъ склонялись надъ убитыми. Побѣдители и побѣжденные сливались въ общей скорби, какъ дѣйствующія лица одной ужасной трагедіи, которая зовется войною.

Главнокомандующій Меньшиковъ съ мрачнымъ видомъ объѣзжалъ войска; они не услышали отъ него ни одного ободряющаго слова; замѣчанія его скорѣе звучали ѣдкими упреками, часто незаслуженными; послѣ сраженія онъ писалъ, что боится за участь Севастополя, такъ какъ

не считаетъ возможнымъ предпринимать нападенія на союзныя войска въ виду ихъ прочныхъ укрѣпленій.

Государь очень опечалился тѣмъ, что Меньшиковъ находился въ такомъ упадкѣ духа и писалъ объ этомъ князю Горчакову 1-го ноября 1854 г. Онъ написалъ также и Меньшикову, стараясь его ободрить, и просилъ благодарить войска за вѣрную службу. Государь указывалъ Меньшикову, что ему, какъ начальнику, надо сохранять бодрость духа, такъ какъ на него обращены всѣ взоры.

Но Меньшикову при его мрачномъ и подозрительномъ характерѣ такая роль была не по силамъ. Онъ уже не надѣялся спасти Севастополь и просилъ князя Горчакова, чтобы онъ прислалъ ему подкрѣпленія для защиты Крыма. Подкрѣпленія были посланы, но ему все казалось, что ихъ недостаточно.

Кромѣ того Меньшиковъ опасался, что у него скоро истощится запасъ пороха, приходившій уже къ концу; объ этомъ онъ писалъ военному министру, представляя свое положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Порохъ посылался, но плохое состояніе дорогъ задерживало его доставку. Многое по снабженію арміи не было предусмотрѣно, и поправлять ошибки теперь оказалось не легкой задачей.

Послѣ Инкерманскаго сраженія накопилось такое множество раненыхъ, что госпитали всѣ оказались переполненными, а новыхъ помѣщеній подыскать было трудно. Не хватало и перевязочныхъ средствъ и медикаментовъ. Все надо было доставлять, а дороги находились въ такомъ ужасномъ положеніи, что обозы еле двигались и всюду валялись трупы павшихъ отъ натуги животныхъ; кромѣ того подходившіе транспорты нескоро разгружались, вслѣдствіи медленнаго пріема, и находить возчиковъ становилось все затруднительнѣе.

Меньшиковъ никому не довѣрялъ и жаловался, что

у него нѣтъ хорошихъ помощниковъ. Тѣхъ, которыхъ ему предлагали изъ Петербурга, онъ не желалъ имѣть, а самъ не назначалъ никого, потому что враждебно относился ко всѣмъ окружающимъ.

Дѣла принимали плохой оборотъ и печальные слухи волновали не только Петербургъ, но и всю Россію. Всюду росли и распространялись эти мрачные слухи и въ то же время никто ничего не зналъ навѣрное. Если теперь жалуются на военную цензуру, то что же было тогда? Только гарнизонъ Севастополя несъ попрежнему безропотно свою тяжелую службу. Летѣли бомбы, разрывались, убивали на смерть, причиняли тяжелыя пораненія. Умирали солдаты и готовились къ смерти остающіеся.

2-го ноября на Черномъ морѣ разыгралась страшная буря, которая много причинила вреда непріятельскимъ судамъ. Послѣ этой бури наступила ненастная погода, дожди шли поперемѣнно со снѣгомъ. Грунтъ размякъ настолько, что вездѣ была непролазная грязь.

Траншеи были затоплены сбѣгающей со всѣхъ сторонъ водою. Находившіяся въ укрѣпленіяхъ войска не имѣли ни крова, ни теплой одежды и подвергались вредному вліянію непогоды. О доставленіи полушубковъ писалось, но они опоздали, какъ и все остальное. Солдаты сами изобрѣтали средства для защиты отъ дождя и стужи. Они мастерили себѣ башлыки изъ рогожъ, которыя выдавались имъ по одному кулю на двоихъ, какъ подстилка для спанья. Солдаты разрѣзали ихъ пополамъ, такъ что каждому доставалось по готовому сшитому углу. Отправляясь въ цѣпь или на часы, солдатъ захватывалъ свою половину куля и, надѣвая его на голову, защищался отъ дождя и непогоды.

Офицеры и солдаты, жившіе въ укрѣпленіяхъ, положительно валялись въ грязи и мерзли подъ дождемъ и снѣгомъ. Единственной защитой отъ холодныхъ вѣтровъ

были небольшія стѣнки, сложенныя изъ камней, или ямы и рвы, кое-какъ прикрытые сверху. Командиры бастіоновъ помѣщались въ такихъ тѣсныхъ землянкахъ, что едва можно было вытянуться въ ростъ человѣка. Ни офицеры, ни солдаты не могли раздѣться; ноги прѣли, такъ какъ по мѣсяцамъ не снимались сапоги. Иной пробовалъ прилечь на голую землю, да скоро вскакивалъ, продрогшій отъ холода и сырости.

Кромѣ службы при орудіяхъ солдаты бывали заняты и тяжелыми работами; только смерть или увѣчье могли положить конецъ трудамъ и лишеніямъ.

Союзныя войска тоже страдали отъ холода, и у нихъ въ лагерѣ свирѣпствовали болѣзни. Императоръ Наполеонъ III сильно досадовалъ, что Севастополь не былъ взятъ штурмомъ. Морозы пріостановили военныя дѣйствія, и та и другая сторона были заняты усиленіемъ укрѣпленій и пополненіемъ боевыхъ средствъ. Наши охотники дѣлали временами ночныя вылазки, чтобы не только слѣдить за работами непріятеля, но и безпокоить его; такія же мѣры принимались и противникомъ. Ночью смѣлые охотники отправлялись саженъ за двѣсти отъ укрѣпленій, заползали въ ямки и оттуда стрѣляли по непріятелю. Такая служба была очень тяжелая и на нее шли самые отборные смѣльчаки.

Въ Петербургѣ тоже были недовольны тѣмъ, что время идетъ, а не предпринимается ничего, чтобы отбить непріятеля, который со дня на день ждалъ подкрѣпленій. На мѣстѣ однако было видно, что никакая атака невозможна; позиціи союзныхъ войскъ были отлично защищены, да и погода и размокшая почва не позволяли выводить войска на открытый бой.

Къ 6-му декабря всѣмъ войскамъ, составлявшимъ гарнизонъ Севастополя, было объявлено, что каждый мѣсяцъ ихъ службы будетъ считаться имъ за годъ.

Въ помощь Меньшикову былъ назначенъ начальникомъ штаба князь Васильчиковъ, а начальникомъ гарнизона — генералъ-адъютантъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ.

— Съ тѣхъ поръ,— говорилъ Меньшиковъ,— какъ подкрѣпили насъ Ерофеичемъ (такъ называлась водочная настойка), мы чувствуемъ себя гораздо сильнѣе.

И дѣйствительно, оба начальника много трудились надъ уничтоженіемъ административнаго произвола и злоупотребленій, которые господствовали въ то время во всей Россіи, а тѣмъ болѣе въ Севастополѣ, гдѣ не было настоящаго надзора.

———

XIV.

Состояніе госпиталей и войскъ.

„Окрестности Севастополя совершенно разорены", пишетъ одинъ изъ очевидцевъ.— „Татары изъ сосѣднихъ деревень бѣжали, захвативъ съ собою часть имущества, остальное зарыли въ садахъ и дворахъ, около домовъ. Но эти зарытые клады по большей части были найдены и уничтожены. Въ арміи сильно развито мародерство, причиной тому—военная необходимость доставать фуражировку. Татарскія деревни обращены въ груды развалинъ; солдаты не церемонились и съ дачами, составлявшими частную собственность. Многихъ продуктовъ и за деньги нельзя было достать; за сѣномъ посылали верстъ за 60 и платили на мѣстѣ болѣе 60 коп. за пудъ, а въ Севастополѣ цѣна стоитъ 1 р. 30 к. за пудъ".

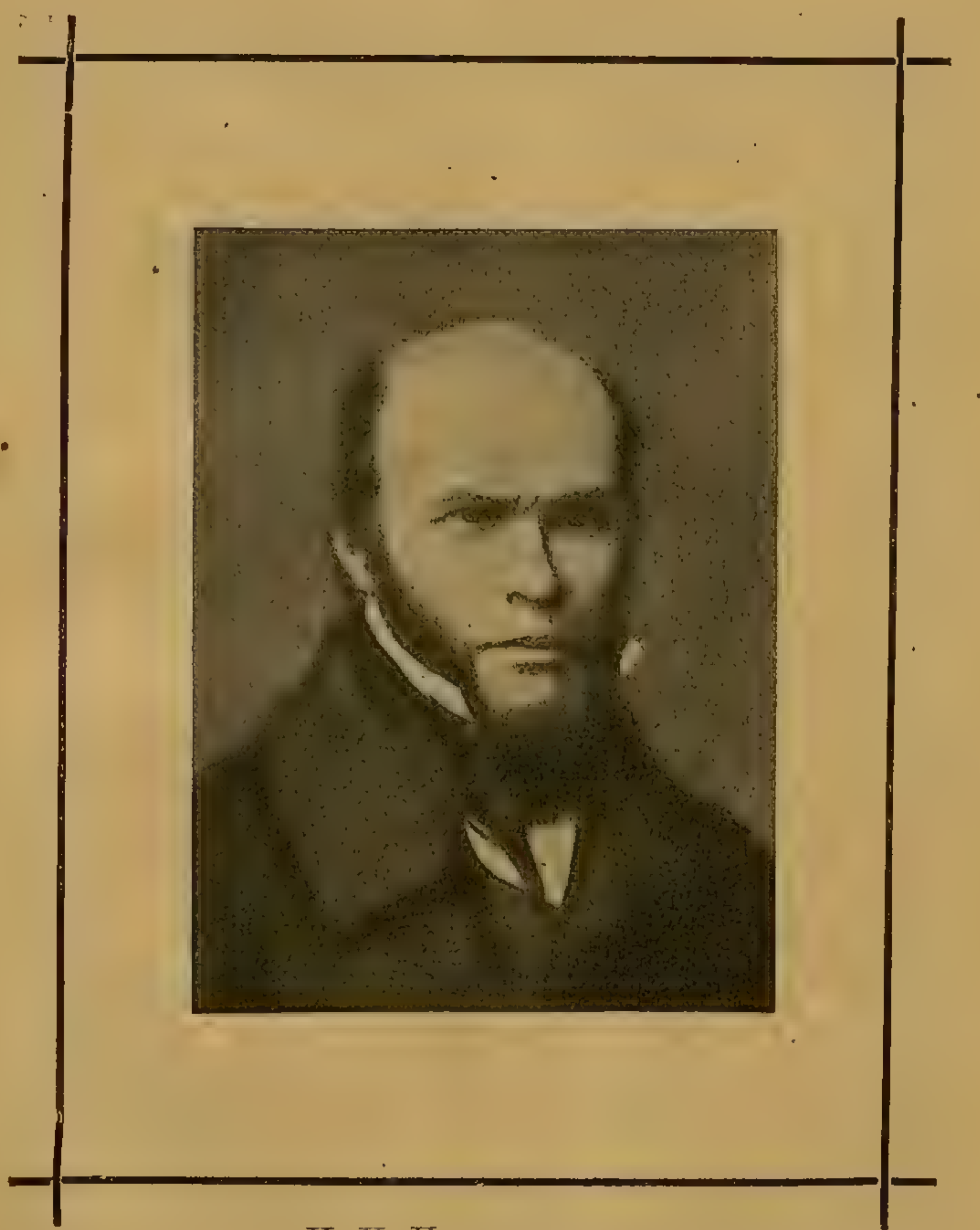
Это въ то время, когда все было сравнительно дешевле, чѣмъ теперь.

Около Севастополя напрасно держали много кавалеріи, которая была совсѣмъ ненужна. Вслѣдствіе недостатка корма артиллерійскія лошади до того отощали, что валились съ ногъ. Ихъ кормили уцѣлѣвшимъ на деревьяхъ дубовымъ листомъ съ подсыпкой изъ муки и даже рубленными рогожами.

Госпитали находились въ самомъ жалкомъ положеніи; перевязочныхъ средствъ не хватало. — „Сердце разрывается, глядя на несчастныхъ, помѣщенныхъ какъ въ бочонкахъ“,—говоритъ тотъ же очевидецъ. — „Они лежатъ въ своемъ платьѣ и бѣльѣ, грязномъ, облитомъ кровью, запачканномъ до величайшей степени; люди не бриты, не вымыты, лежатъ на нарахъ; въ изголовьѣ—мундиръ; подстилка—суконные штаны, у кого они уцѣлѣли; а многіе лежатъ и безъ подстилки; покрышка—неизмѣнная шинель. Вмѣстѣ съ легко ранеными лежатъ многіе тяжело раненые, безнадежно больные, умирающіе.

„Какой воздухъ былъ въ этихъ палатахъ! Здоровый могъ заболѣть, пролежавъ въ такой духотѣ и смрадѣ. Сколько раненыхъ оставались по два, три дня безъ пищи, безъ глотка вина для подкрѣпленія силъ, не говоря уже о томъ, что доктора не успѣвали дѣлать правильныя перевязки. Многіе умирали и начальство даже не знало, кто умеръ, изъ какого полка. Солдаты снимали одежду съ убитыхъ, и потому можно было встрѣтить пѣхотинца въ шинели моряка и наоборотъ“.

Часть раненыхъ и больныхъ была перевезена въ сосѣдніе города и селенія,—особенно много ихъ лежало въ Симферополѣ,—но и тамъ ихъ положеніе было не лучше. Не было достаточно медиковъ, фельдшеровъ, такъ что на тысячу больныхъ приходился одинъ докторъ или фельдшеръ. Что же онъ могъ сдѣлать при всемъ желаніи! Войны ждали, а между тѣмъ ничего не

Н. И. Пироговъ.

было подготовлено и не были приняты своевременно надлежащія мѣры.

Во всемъ былъ недостатокъ: то не хватало крупы, то мяса, то хлѣбъ былъ на исходѣ; не хватало также и топлива. Наступившая холодная погода дѣлала этотъ недостатокъ очень чувствительнымъ. Начались порубки фруктовыхъ деревьевъ и въ нѣсколько дней уничтожались труды многихъ лѣтъ. Сады и виноградники погибали; послѣдніе—потому, что нечѣмъ было прикрыть ихъ на зиму, да и фашинникъ для укрѣпленій часто связывали виноградными лозами. Рубились также вѣковые липы и дубы.

Несмотря на привычку русскаго человѣка къ холоду, отсутствіе теплой одежды вызвало заболѣванія,—появился тифъ и даже холера. Полушубковъ доставили такъ мало, что ихъ не хватало для солдатъ, стоявшихъ на аванпостахъ. Большинство обходилось рваными шинелями. Говорили, что транспортъ полушубковъ ѣдетъ, но благодаря ужаснымъ дорогамъ застрялъ въ пути.

Всѣ жаждали хотя небольшой побѣды, чтобы поднять духъ войскъ. Солдаты не боялись битвы, только была бы какая-нибудь удача. Между тѣмъ время тянулось въ постоянныхъ перестрѣлкахъ, а на рѣшительныя дѣйствія не хватало силъ.

Слухи о плохомъ состояніи госпиталей дошли до Петербурга и оттуда былъ посланъ извѣстный профессоръ и хирургъ Н. И. Пироговъ, который, благодаря своему энергичному характеру, вскорѣ забралъ въ свои руки всю медицинскую часть. Но что могъ онъ сдѣлать, когда недостатокъ чувствовался рѣшительно во всемъ, даже въ соломѣ? Когда его однажды адъютантъ спросилъ о смертности среди больныхъ и раненыхъ, Пироговъ привелъ его въ сарай, наполненный грязной соломой изъ тюфяковъ.

— Сначала дайте намъ чистой соломы, — сказалъ онъ,—а потомъ уже спрашивайте о смертности.

Горестные слухи, распространяясь по всей Россіи, вызвали искреннюю скорбь. Въ частныхъ домахъ щипали корпію, изготовляли бинты, шили рубахи, простыни. Громадныя пожертвованія деньгами стекались со всѣхъ сторонъ; не было такого угла во всей имперіи, гдѣ бы не хлопотали объ участи защитниковъ Севастополя. Но могла ли частная помощь измѣнить недостатокъ распорядительности и бороться съ безпечностью, а иногда и недобросовѣстностью лицъ коммиссаріатскаго вѣдомства.

Хотя доступъ въ Севастополь былъ открытъ со стороны Перекопа, но, благодаря плохому состоянію дорогъ, явилось какъ бы осадное положеніе. Все, даже самое необходимое, доставлялось съ большой задержкой и недостатокъ чувствовался рѣшительно во всемъ. Путь отъ Москвы вплоть до Севастополя былъ покрытъ повозками троечниковъ, нагруженныхъ различными коммиссаріатскими вещами, пожертвованіями частныхъ лицъ и боевыми припасами. Чѣмъ ближе подходили они къ Перекопу, тѣмъ болѣе встрѣчали затрудненій. Главная остановка была у переправы черезъ Днѣпръ, на пути сообщенія Крымскаго полуострова съ остальною Россіею. Здѣсь всегда было громадное скопленіе обозовъ, а правильной переправы на паромахъ не было установлено: чтобы переѣхать на другой берегъ, завѣдующій переправой требовалъ извѣстную мзду, такую же взимали и паромщики. Во время ледохода и совсѣмъ нельзя было переправлять транспорты. Казалось, что такую задержку можно исправить постройкой временнаго моста, но это никому не приходило въ голову, да и боялись заикнуться о расходѣ въ нѣсколько тысячъ; а между тѣмъ припасы гнили на открытомъ воздухѣ и терялись милліоны, а люди страдали, не получая необходимаго.

Почтовыя лошади, вслѣдствіе крайняго изнуренія, почти всѣ пали; ямщики заболѣвали отъ непосильныхъ

трудовъ, и около Севастополя даже курьеры по нѣсколько дней дожидались очереди. Дегтя для смазыванія осей нельзя было достать ни за какія деньги, и повозки часто разлетались въ дребезги. Посылки сваливались въ сарай, и разобраться въ нихъ не было возможности, и впослѣдствіи была составлена коммиссія для разборки въ Симферополѣ накопившихся и нерозданныхъ по принадлежности частныхъ посылокъ въ армію.

Общество принимало живѣйшее участіе въ герояхъ защитникахъ, которые безропотно и смиренно переносили всякаго рода лишенія и погибая говорили:—Простите братцы!—Не у нихъ ли слѣдовало просить прощенія за всѣ недосмотры, за все то ужасное, что творилось въ стѣнахъ Севастополя!

Великая княгиня Елена Павловна возымѣла благую мысль дать возможность женщинамъ придти на помощь раненымъ и больнымъ. Изъ ея средствъ была организована „Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія", и 6-го ноября 1854 г. былъ отправленъ первый транспортъ изъ тридцати сестеръ милосердія, которыя ѣхали по искреннему побужденію теплой любви къ ближнему, съ твердымъ намѣреніемъ переносить всѣ трудности принимаемыхъ ими на себя обязанностей.

Всеобщее сочувствіе провожало сестеръ на ихъ пути отъ Петербурга до Крыма. Во всѣхъ губернскихъ городахъ имъ приготовляли обѣды и ужины. Отъ Курска имъ пришлось ѣхать на волахъ шагомъ, дѣлая не болѣе 20 верстъ въ сутки по глубокой грязи. Но и эти трудности онѣ одолѣли и прибыли на мѣсто, гдѣ бодро принялись за работу.

Сестры милосердія стали истинными благодѣтельницами больныхъ, и ихъ появленіе оживило и докторовъ и раненыхъ. Онѣ окружали страждущихъ нѣжными заботами, писали солдатамъ письма на родину, напутствовали уми-

рающихъ. Пироговъ далъ о ихъ дѣятельности самый благопріятный отзывъ и просилъ, чтобы число ихъ еще пополнили. Изъ Петербурга выѣхали еще шестьдесятъ сестеръ, но застряли въ дорогѣ, такъ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ пути сообщенія сдѣлались еще невозможнѣе.

Меньшиковъ совершенно не могъ справиться съ доставкой провіанта, фуража и припасовъ. Въ распоряженіяхъ не было единства, потому что между арміей и интендантствомъ происходили постоянныя разногласія. Въ Петербургѣ боялись, что армія въ одинъ прекрасный день останется совсѣмъ безъ хлѣба; государь постоянно спрашивалъ у Меньшикова, сытъ-ли солдатъ и тепло-ли одѣтъ, но рѣдко получалъ отвѣты на свои запросы. Вездѣ чувствовалось, что дѣло не ладно; предпринимаемыя мѣры не производили должнаго дѣйствія. Война обнаруживала слишкомъ ясно всѣ недочеты управленія. Благодаря скуднымъ донесеніямъ Меньшикова, въ Петербургѣ почти ничего не знали, что дѣлается въ арміи. Государь очень тревожился и ждалъ наступленія съ нашей стороны, потому что противникъ, непривыкшій къ зимней погодѣ, тоже страдалъ отъ неблагопріятныхъ условій.

Австрія принимала по отношенію къ Россіи все болѣе и болѣе угрожающее положеніе, и чѣмъ хуже были наши дѣла, тѣмъ скорѣе можно было ожидать съ ея стороны наступательныхъ дѣйствій. Западная граница охранялась большой арміей, и поэтому въ Крымъ нельзя было посылать значительныхъ подкрѣпленій. Положеніе становилось критическимъ, а бездѣйствіе Меньшикова раздражало и безпокоило не только само правительство, но и всѣ слои общества. Такъ оканчивался 1854 годъ.

XV.

Новый 1855 годъ.

Прошло три мѣсяца осады, а гулъ и трескъ выстрѣловъ неумолкая висѣлъ надъ городомъ. Иногда канонада усиливалась до такой степени, что всѣ ожидали штурма. Ни днемъ, ни ночью не было покоя. Въ ноябрѣ союзникамъ привезли изъ Меца новые снаряды-ракеты необыкновенной величины и дальности полета. Они летали далѣе чѣмъ на пять верстъ, и сила ихъ удара была неимовѣрна. Сперва они производили ужасающее дѣйствіе, но потомъ и къ нимъ привыкли, какъ привыкли къ бомбамъ и гранатамъ. Въ темныя осеннія ночи все небо покрывалось огненными полосами, снаряды летали, какъ метеоры, теряясь на мгновеніе между блестящими звѣздами и затѣмъ, усиливая быстроту своего полета, внезапно останавливались на небѣ, озаряя все окружающее блескомъ молніи, и потомъ низвергались стремглавъ и разрывались, оглушая, точно громовымъ ударомъ.

Солдаты, жившіе на батареяхъ, до того изучили звукъ полета снарядовъ, что, сидя въ закрытомъ мѣстѣ, могли опредѣлить, съ какихъ батарей стрѣляютъ, какіе летятъ снаряды и гдѣ лягутъ.

Болѣе храбрый и опытный въ умѣньи распознавать снаряды назначался въ сигнальщики.

— Пушка! — кричитъ онъ — и вслѣдъ за тѣмъ раздается свистъ ядра и брызги летятъ во всѣ стороны.

Если сигнальщикъ кричитъ: „бомба!“—значитъ она упадетъ на батарею, и люди ложатся на землю, спасаясь отъ осколковъ. Бомба вертится, шипитъ и дымится; приникнувъ къ землѣ, лежатъ солдаты, ожидая разрыва,— быстрая вспышка огня, небольшой клубъ дыма, выстрѣлъ и звонъ осколковъ поднимаютъ тѣхъ, кто остался цѣлъ; слышенъ стонъ раненыхъ и крикъ: „носилки!“

— Каждый день такъ, человѣкъ двадцать, тридцать,— скажетъ посѣтителю поселившійся на бастіонѣ со дня осады морской офицеръ, скручивая папиросу изъ желтой бумаги.

— Непріятель никакъ раскутился,—замѣтитъ командиръ батареи или бастіона и, выйдя изъ блиндажа (землянки), прикажетъ послать прислугу къ бомбической пушкѣ.

— Есть!—по морскому обычаю отзовется комендоръ, и нѣсколько человѣкъ матросовъ быстро подбѣгутъ къ орудію.

— Чѣмъ заряжено: бомбой или картечью?

— Бомбой.

— Ну, валяй.

Чугунная махина, слишкомъ въ 300 пудовъ, разомъ отпрыгнетъ назадъ; клубы горячаго порохового дыма охватятъ прислугу, грянетъ выстрѣлъ и тяжелая бомба, шипя и гудя по воздуху, понесется къ непріятелю. Вслѣдъ за тѣмъ не одно, а нѣсколько ядеръ пролетятъ надъ головами стоящихъ на бастіонѣ, и сигнальщикъ то и дѣло кричитъ: „бомба! пушка! берегись, граната!“ Вскорѣ отзовутся и сосѣдніе бастіоны и пальба разгорается, совершая свое опустошительное, жестокое дѣло. И такъ проходитъ не день, а недѣли, мѣсяцы, и люди привыкаютъ къ крови, равнодушно смотрятъ на гибель товарищей.

Жены и дѣти матросовъ привыкли къ опасностямъ осады, какъ и солдаты. Мальчики бѣгаютъ и собираютъ непріятельскіе снаряды, которые упали и не разорвались. Не проходило однако дня, чтобы не ранило женщину или ребенка. Убьетъ такую бабу, солдаты подхватятъ ее и понесутъ въ часовню.

— Откуда, землячки, несете?—спроситъ ихъ по дорогѣ какая-нибудь торговка, стоя спокойно у лотка.

— Съ Малахова,—отвѣтятъ они.—Грѣхъ вотъ понѣ

утромъ случился! осколокъ въ брюхо воткнись — ну, и померла: баба, вѣдь,—много-ль ей надо!

— Ишь оказія!—проговоритъ равнодушно торговка и продолжаетъ зазывать покупателей, какъ будто ей не угрожаетъ такая же опасность.

Матроски безъ всякаго страха ходили въ траншеи и носили мужьямъ своимъ пищу или такъ провѣдывали ихъ, безпокоясь о судьбѣ близкихъ.

Всѣ жители Севастополя находились въ постоянномъ ожиданіи чего-нибудь необыкновеннаго. Нервы были напряжены до крайности; каждый слухъ подхватывали налету и быстро распространяли. Почту ждали съ нетерпѣніемъ, надѣясь, что получится какое-нибудь утѣшительное извѣстіе, какая-нибудь надежда на скорое окончаніе мучительнаго, напряженнаго осаднаго положенія.

Пасмурный и угрюмый былъ день новаго года въ Севастополѣ. Тяжелыя сѣрыя облака застилали небо, а грозное море волновалось и шумѣло, перекатывая свои мрачныя, свинцовыя волны; холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь. 3-го января выпалъ глубокій снѣгъ, и союзнымъ войскамъ приходилось плохо; они однако продолжали осадныя работы и возвели новыя батареи противъ четвертаго бастіона и Малахова кургана.

Меньшиковъ между тѣмъ задумалъ пойти приступомъ на Евпаторію и овладѣть этимъ городомъ; онъ поручилъ барону Врангелю сдѣлать рекогносцировку съ тою цѣлью, чтобы узнать, насколько удобно въ настоящее время исполненіе такого предпріятія. Баронъ Врангель высказался противъ атаки Евпаторіи, ссылаясь главнымъ образомъ на ужасное состояніе дорогъ. Наступившая оттепель до того размягчила грунтъ, что колеса вязли въ липкой грязи и не могли двигаться. Баронъ Врангель ѣхалъ въ легкой телѣжкѣ, запряженной двумя парами воловъ, и все же не могъ подвигаться скорѣе одной версты въ

часъ. Мыслимо ли было при такихъ условіяхъ пускать въ дѣло артиллерію, да и пѣхота, увязая по колѣно, должна была выбиться изъ силъ. Но когда Врангель доложилъ объ этомъ главнокомандующему, вопросъ о нападеніи на Евпаторію былъ уже рѣшенъ и сдѣланы распоряженія объ отправкѣ войскъ. Врангель напрасно указывалъ на опасность бомбардировки со стороны непріятельскаго флота и на значительность силъ противника, собранныхъ въ Евпаторіи. Меньшиковъ отдалъ приказаніе, что наступленіе должно состояться, и что исполненіе этого предпріятія главнокомандующій возлагаетъ на генерала Хрулева.

Хрулевъ давно искалъ случая отличиться и получить командованіе отдѣльнымъ отрядомъ, чтобы показать себя опытнымъ полководцемъ. Хрулева считали въ военныхъ кругахъ за храбраго, энергичнаго человѣка, который умѣлъ вдохновить солдатъ на какое-нибудь отчаянное предпріятіе, но не признавали въ немъ организатора, способнаго руководить серьезнымъ дѣломъ. Его даже не считали умнымъ человѣкомъ. Хрулевъ обѣщалъ Меньшикову „совершенный успѣхъ“ и просилъ разрѣшить ему командованіе отрядомъ для взятія Евпаторіи. Получивъ въ одинъ и тотъ же день два совершенно противоположныхъ донесенія отъ барона Врангеля и Хрулева, главнокомандующій отдалъ предпочтеніе заявленію Хрулева, не давъ себѣ труда провѣрить, кто правъ — онъ или Врангель. Онъ удовлетворилъ всѣ требованія Хрулева, и послѣдній, добившись наконецъ цѣли, старался увѣрить и другихъ и себя въ успѣхѣ дѣла. Онъ разсчитывалъ главнымъ образомъ на русское „авось“ и на пословицу, что „смѣлость города беретъ“.

Войска стягивались очень медленно, благодаря страшной грязи; дойдя до мѣста сбора, солдаты оставались подъ открытымъ небомъ, такъ какъ помѣщеній не было за-

готовлено. Они устраивали себѣ шалаши и укрывались въ нихъ отъ снѣга, который падалъ въ значительномъ количествѣ. Продовольствіе подвозили съ сильнымъ опозданіемъ. Слова барона Врангеля оправдывались, и Хрулевъ долженъ былъ со дня на день откладывать нападеніе. Оно могло состояться лишь 5-го февраля и кончилось полной неудачей, причемъ Хрулевъ доказалъ, что вовсе не умѣетъ руководить массовымъ движеніемъ войска. Накапунѣ боя онъ объѣзжалъ солдатъ и говорилъ имъ: „надѣюсь ребята, что вы охулки на руку не положите. Если Богъ поможетъ взять Евпаторію, уничтожайте все, но щадите церкви и мирныхъ жителей“.

Съ самаго начала дѣла Хрулевъ самъ убѣдился, что взять Евпаторію невозможно; городъ былъ обнесенъ прочнымъ валомъ, гарнизонъ слишкомъ значителенъ, а стоящія на рейдѣ непріятельскія суда могли избороздить выстрѣлами городъ и окрестности по всѣмъ направленіямъ.

„По симъ причинамъ,—доносилъ онъ Меньшикову,—предвидя, что при овладѣніи городомъ будетъ потеря до 7000 человѣкъ, несмотря на просьбы солдатъ дозволить итти вторично на штурмъ, считая начало дѣла усиленной рекогносцировкою, я въ 10 час. утра рѣшилъ прекратить бой“.

Сдавши войска барону Врангелю, Хрулевъ уѣхалъ въ Севастополь. Ни онъ, ни Меньшиковъ не хотѣли сознаться въ своей ошибкѣ и приписали неудачу бѣжавшему еще до начала битвы улану, который будто бы предупредилъ непріятеля о намѣреніяхъ русскихъ. Меньшиковъ также скрылъ настоящія потери и въ своемъ донесеніи повторилъ слова Хрулева объ усиленной рекогносцировкѣ. Государь однако вполнѣ понялъ, въ чемъ дѣло, и эта неудача, разрушивъ надежду на скорую побѣду, явилась новымъ ударомъ его самолюбію. Еще больше

разстроило государя извѣстіе о необходимости вновь затопить нѣсколько судовъ, такъ какъ затопленныя въ началѣ осады были унесены теченіемъ и входъ на внутренній рейдъ открытъ для непріятеля. Въ началѣ февраля союзники сосредоточили здѣсь 18 линейныхъ кораблей, 24 парохода и 7 фрегатовъ; опасались, какъ бы непріятель одновременно не атаковалъ Севастополь и съ суши, и съ моря. Меньшиковъ просилъ разрѣшенія затопить три корабля, а на самомъ дѣлѣ для затопленія назначены были: „Двѣнадцать Апостоловъ“, „Ростиславъ“, „Святославъ“ и фрегаты—„Кагулъ“ и „Месемврія“. „Грустныя похороны“, какъ говорили моряки, свершились 12-го февраля въ присутствіи адмирала Нахимова.

— Мы сами уничтожаемъ свой флотъ,—сказалъ государь по полученіи этого извѣстія. Лишившись надежды на сохраненіе Черноморскаго флота и получая постоянныя донесенія о неудачахъ и о болѣзни главнокомандующаго, государь рѣшилъ удалить Меньшикова и назначилъ главнокомандующимъ крымскою арміей князя Михаила Дмитріевича Горчакова. 15-го февраля онъ поручилъ наслѣднику сообщить объ этомъ Меньшикову, такъ какъ самъ уже не могъ писать по причинѣ серьезной болѣзни.

Одновременно съ этимъ и Меньшиковъ послалъ изъ Севастополя просьбу объ увольненіи; 16 февраля онъ сдалъ начальство надъ войсками генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену; начальникомъ Севастопольскаго гарнизона былъ назначенъ вице-адмиралъ Нахимовъ, а начальство надъ сухопутными войсками Корабельной стороны ввѣрено генералъ-лейтенанту Павлову.

Итакъ въ самое критическое время крымская армія оказалась безъ главнаго начальника. Незадолго передъ этимъ русскіе отразили нападеніе французовъ на вновь

воздвигнутый въ темнотѣ ночи Селенгинскій редутъ, передъ Малаховымъ курганомъ. Ежедневно ожидали новыхъ стремительныхъ дѣйствій со стороны союзныхъ войскъ, и отсутствіе главнаго распорядителя могло повести къ весьма гибельнымъ послѣдствіямъ. Великіе князья Николай и Михаилъ, находившіеся при арміи, уговорили Меньшикова написать князю Горчакову, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ въ Крымъ и принялъ командованіе войсками. Одновременно и великій князь Михаилъ Николаевичъ писалъ Горчакову, прося его о томъ же. Такимъ образомъ распоряженія изъ Севастополя совпали съ желаніемъ государя и армія получила новаго начальника.

XVI.

18 февраля 1855 г.

Бомбардировка Севастополя между тѣмъ продолжалась; особенно сильная канонада открылась 19 февраля противъ 4-го бастіона. Сотни бомбъ летали по темному небу и, разрываясь, производили страшное опустошеніе. Люди, встрѣчая вечеръ, не надѣялись увидѣть утро и, встрѣчая восходъ солнца, не разсчитывали увидѣть его закатъ.

Вдругъ ночью на 29 февраля по городу и бастіонамъ распространилась страшная вѣсть. Прибылъ курьеръ и сообщилъ, что государь Николай I скончался. Всѣ были до того ошеломлены, что совершенно растерялись. О болѣзни государя ходили слухи, которые и вызвали внезапный отъѣздъ великихъ князей изъ Севастополя, но

никто не ожидалъ такой быстрой развязки. Два дня тому назадъ французскій парламентеръ сказалъ нашему: „Мы оплакиваемъ вашу потерю“.—Какую потерю?—„Какъ будто вы не знаете? Его Величество, вашъ императоръ, скончался!..“ Но этому не хотѣли вѣрить, а теперь получилось официальное увѣдомленіе. На другой день были собраны войска и прочитанъ манифестъ. Генералъ Павловъ, старый ревностный слуга покойнаго государя, объявляя причину ихъ собранія, рыдалъ, какъ дитя. Солдаты крестились, многіе стали на колѣни и клали земные поклоны, молясь за упокой души почившаго.

Царствованіе Николая I уже принадлежало исторіи.

Что же дѣлалось въ то время въ Петербургѣ?

Еще въ концѣ января по городу ходили слухи о болѣзни государя,—это была легкая простуда. 3 февраля онъ всталъ съ постели и, несмотря на совѣты врачей поберечь себя, поѣхалъ на смотръ войскъ, отправлявшихся въ походъ. Простуда усилилась, потому что государь продолжалъ выѣзжать при значительныхъ морозахъ. Непріятная вѣсть о неудачѣ при Евпаторіи произвела въ немъ упадокъ духа, который вредно отразился на здоровьѣ. 11-го февраля государь слегъ въ постель, а 17 потеряна была всякая надежда на выздоровленіе. Объ этомъ объявили наслѣднику.

Докторъ Мандтъ, лечившій государя, объявилъ ему о тяжеломъ состояніи его здоровья, и когда тотъ спросилъ:—что же, умираю я?—Мандтъ собралъ всѣ силы и отвѣтилъ „Да!“

Государь спокойно принялъ это извѣстіе и, приказавъ позвать цесаревича и дѣтей, просилъ поберечь императрицу. Но она уже знала о наступленіи рокового часа.

Обнявъ своего преемника Александра Николаевича, государь высказалъ ему, что надѣялся оставить ему го-

сударство мирное, устроенное и счастливое, но Провидѣніе судило иначе. Онъ сдавалъ свою команду не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя преемнику много труда и заботъ. 18 февраля, двадцать минутъ перваго пополудни государь скончался.

XVII.

Восшествіе на престолъ Александра II.

Въ минуту воцаренія новаго государя, Россія находилась въ очень трудномъ и матеріальномъ, и нравственномъ положеніи. Неудачи крымской кампаніи волновали общество, и лучшіе умы того времени понимали причины ослабленія Россіи, но не могли высказывать своихъ мыслей. Всюду царилъ гнетъ, и система молчанія была возведена въ принципъ. Среди этого молчанія творились беззаконія и господствовалъ произволъ.

Политическое положеніе страны осложнялось союзомъ Австріи съ Франціей и Англіей; она обѣщалась объявить войну Россіи, если послѣдняя не согласится на условія мира, предложенныя англійскимъ и французскимъ дворами. Пруссія долго колебалась, но тоже понемногу начала склоняться на сторону нашихъ противниковъ. Сардинія уже снарядила пятнадцатитысячный корпусъ для присоединенія къ арміи союзныхъ войскъ въ Крыму. Ея примѣру готовы были послѣдовать Швеція и даже Испанія. Весь западъ собирался возстать противъ Россіи, которая представляла изъ себя государство застоя, всесильнаго владычества бюрократіи и угнетеннаго состоянія народныхъ массъ подъ игомъ крѣпостного права.

Когда въ 1848 году Европа была охвачена революціоннымъ движеніемъ, въ Россіи прекратились всякія попытки преобразованій. Боялись броженія умовъ и закрывали глаза на всѣ недочеты внутренней жизни государства. Тяжелыя испытанія Севастопольскаго погрома заставили правительство вдуматься въ причины всеобщаго неустройства и обратить вниманіе на средства, могущія создать лучшее будущее.

Духовный застой отразился въ сильной степени на экономическомъ благосостояніи; торговля и промышленность находились въ упадкѣ и въ финансовомъ управленіи замѣчалось систематическое возрастаніе дефицита. Въ 1825 г. государственный расходъ превышалъ приходъ на 4 милліона рублей, а въ 1855 г. эти цифры уже выросли до 262 милліоновъ рублей *). Недочеты покрывались государственными займами, и усиленнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Сумма тѣхъ и другихъ къ 1852 году въ общей сложности достигла около милліарда рублей, при чемъ бумажныхъ денегъ находилось въ обращеніи на 595,776,310 рублей.

Молодому государю предстояла трудная задача, которую понимали всѣ просвѣщенные умы того времени. Вотъ что писалъ Хомяковъ, членъ славянофильской партіи въ Москвѣ. „Есть человѣкъ, котораго сердце теперь преисполнено глубочайшей скорби и невольнаго страха передъ великимъ служеніемъ, на которое онъ призванъ. Дай Богъ, чтобъ нашлись люди, которые бы сумѣли сказать ему слово отрады; дай Богъ, чтобы его успокоили. Пусть только вѣритъ онъ Россіи“. Нѣсколько дней спустя тотъ же Хомяковъ писалъ: „Особенно дай Богъ ему довѣрія къ Россіи и недовѣрія къ тѣмъ, кто подозриваетъ всякое умственное движеніе. Мы дошли до великихъ бѣдъ и срама, по милости одного умственнаго сна“. Эти слова

*) А. Кизеветтеръ. Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи, стр. 34.

писалъ представитель славянофиловъ, которыхъ уже никакъ нельзя упрекнуть во „вредномъ“ направленіи.

„Необыкновенныя политическія событія послѣдняго времени,—писалъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей той эпохи,—вызвали чрезвычайныя, небывалыя явленія въ жизни Россіи. Она вся, отъ царя до поденщика, встрепенулась отъ мертвеннаго оцѣпенѣнія, въ которое до сихъ поръ была погружена, и удивленными глазами измѣрила свое бѣдственное положеніе... Въ нѣсколько мѣсяцевъ русская мысль ожила и воспрянула, какъ будто стараясь вознаградить себя за потерянные сорокъ лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, она является достойною великаго народа; не разстраиваясь въ желчныхъ безполезныхъ сожалѣніяхъ и мелкой, безплодной злобѣ, она величаво и спокойно устремлена на изученіе нашего прошедшаго, настоящаго и будущаго; безъ малодушія, робости и преувеличенія измѣряетъ она пучину золъ, въ которую мы погружены и отыскиваетъ врачеванія для нашего болѣющаго политическаго тѣла“...

Молодой государь, несмотря на строгій режимъ царствованія Николая I, былъ воспитанъ въ болѣе гуманномъ духѣ, подъ руководствомъ генерала Мердера и поэта Жуковскаго. Оба они стремились развить въ наслѣдникѣ престола сознаніе, что не внѣшніе признаки величія ставятъ царя на ту высоту, съ которой онъ дѣйствительно можетъ сдѣлаться царемъ своихъ подданныхъ; что, призванный управлять милліонами человѣческихъ жизней, онъ долженъ воспитать въ себѣ способность уразумѣть и нужды своего народа. „Предписывать законы и настаивать на ихъ исполненіи можетъ лишь тотъ, кто самъ умѣетъ исполнять и подчиняться этимъ законамъ“,—говорилъ Мердеръ.

Когда наслѣднику минуло 19 лѣтъ, государь отправилъ его путешествовать по Россіи и Сибири для озна-

комленія съ краемъ. Цесаревичъ былъ первый изъ членовъ царской фамиліи, который посѣтилъ Сибирь, и его всюду привѣтствовали съ восторгомъ. Онъ писалъ отцу объ ужасномъ положеніи сосланныхъ въ Сибирь преступниковъ—и Николай I, внимая просьбамъ сына, издалъ указъ о смягченіи участи каторжныхъ и уменьшеніи наложенныхъ на нихъ наказаній.

Наслѣдникъ во время путешествія имѣлъ возможность, хотя отчасти, познакомиться съ нуждами народа, такъ какъ посѣщалъ больницы, школы, заводы и курныя избы мужиковъ. Въ слѣдующемъ году онъ имѣлъ возможность сравнить бытъ россійскихъ обывателей съ жизнью европейскихъ народовъ, такъ какъ предпринялъ поѣздку заграницу. Тамъ онъ тоже посѣщалъ хижины рабочихъ и земледѣльцевъ и долженъ былъ увидѣть разницу въ ихъ жизни и въ общемъ строѣ культурнаго развитія. Подготовленный такимъ образомъ къ принятію на себя высокаго званія правителя страны, онъ вступилъ на престолъ 19 февраля 1855 года.

XVIII.

Продолженіе войны.

Еще при жизни императора Николая, въ декабрѣ 1854 г. было призвано ополченіе для пополненія убыли въ войскахъ и усиленія оборонительныхъ средствъ страны. Ополченцы собирались безъ всякаго энтузіазма, который вообще значительно понизился среди патріотически настроеннаго русскаго общества. Постоянныя неудачи совершенно подорвали увѣренность въ благополучномъ окон-

чаніи войны. Всѣ мыслящіе люди сознавали, что одними патріотическими восторгами не справиться съ врагомъ, такъ какъ онъ оказался опытнѣе насъ и руководился начальниками болѣе образованными и развитыми, чѣмъ наши, знавшіе главнымъ образомъ лишь военную дисциплину. Конечно, были исключенія и среди нашихъ офицеровъ; мы видѣли ихъ геройское поведеніе въ Севастополѣ, о нихъ сохранилась свѣтлая память.

Общественная неурядица, которую тщательно скрывали, обнаружилась, благодаря военнымъ неудачамъ, во всемъ своемъ отвратительномъ увѣчьи. Грустная дѣйствительность выступала всюду. Вся Россія изъ края въ край была полна плачемъ, слезами и страданіями. Стонали русскіе солдаты и подъ Севастополемъ, и подъ Инкерманомъ, и подъ Альмою; страдали ополченцы, мѣся босыми ногами грязь столбовыхъ дорогъ; плакали русскія деревни, провожая своихъ сыновей, мужей, братьевъ; на свиданіе мало кто надѣялся—ратники шли на смерть.

И несмотря на то, что эта страшная драма смерти витала надъ Россіей, въ ней находились люди, которые подъ личиной патріотизма безъ всякой совѣсти занимались хищеніемъ.

Лучшіе люди, видя ужасное положеніе Россіи, надѣялись, что грозные уроки войны послужатъ ей на пользу. Вообще война ужасное дѣло—и лишь фантазія квасныхъ патріотовъ рисовала какое-то воодушевленіе, будто бы охватившее общество при объявленіи о началѣ военныхъ дѣйствій. Могутъ увлекаться единичныя личности, но не масса, которая несетъ слишкомъ тяжелыя жертвы. Точно такъ же и по отношенію къ Крымской войнѣ патріотическая шумиха очень скоро улеглась и на смѣну явилось всеобщее недовольство, усиленное еще тѣмъ пренебреженіемъ, которымъ правительствомъ оскорбляло народное чувство, постоянно стараясь держать все

въ тайнѣ. Свѣдѣнія о ходѣ событій получались очень неполныя и часто невѣрныя. Вотъ что разсказываетъ И. С. Аксаковъ о томъ, что дѣлалось въ арміи, куда онъ выѣхалъ въ качествѣ офицера ополченія. Онъ жалуется на то, какъ ему трудно было привыкать къ военной жизни, трудно ладить съ администраціей. Ратники, прямо взятые отъ сохи, плохо поддавались военной муштровкѣ. Проводы, причитанія и плачъ женщинъ, которыя провожали своихъ близкихъ и часто падали въ изнеможеніи у края дороги,— все это бередило душу. Когда онъ въ первыйразъ увидѣлъ издали развѣвающіяся знамена, и масса сѣрыхъ кафтановъ и штыковъ показалась на дорогѣ при звукахъ барабаннаго боя,—имъ овладѣло до того сильное волненіе, что слезы показались на глазахъ. Но когда все это войско прошло мимо него церемоніальнымъ маршемъ, то сердце его охватила такая тоска, какой онъ никогда не испытывалъ. Онъ не замѣтилъ ни малѣйшаго признака силы и бодрости въ этой народной массѣ. ни одной молодцеватой фигуры! Утомленіе, уныніе и апатія—вотъ что читалось на этихъ лицахъ. Они казались жертвами, которыхъ ведутъ на закланіе. „Нѣтъ, мы не стоимъ торжества“, — восклицаетъ Аксаковъ:—„мы должны пострадать позорно за свои грѣхи! Куда возиться намъ съ народомъ, который весь проникнутъ чувствомъ военной чести и славы, который знаетъ, за что умираетъ. „Да здравствуетъ Франція!“ кричатъ они и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, проникаются восторгомъ. Вѣра русскаго человѣка тиха и спокойна; онъ можетъ за нее умирать, но не побѣждать. Это страшная разница“.

Четырехсоттысячное ополченіе будетъ растрачено даромъ, по мнѣнію Аксакова, потому что его введутъ въ составъ полковъ третьимъ и четвертымъ батальонами и военные съ презрѣніемъ будутъ смотрѣть на эту толпу мужиковъ; ихъ затрутъ, они будутъ считаться плохими

солдатами. Еслибы они выступили общей массой, то было бы лучше.

„Ахъ, какъ тяжело, какъ невыносимо тяжело,—пишетъ Аксаковъ позднѣе,—„порою жить въ Россіи, въ этой средѣ грязи, пошлости, лжи, обмановъ, злоупотребленій, добрыхъ малыхъ—мерзавцевъ, хлѣбосоловъ взяточниковъ, гостепріимныхъ плутовъ!“ Такія слова вырвались у него тогда, когда пришлось окунуться въ разные счеты и расчеты провіанта, обмундировки, распредѣленія ратниковъ по квартирамъ. Ему противны были люди, съ которыми приходилось сталкиваться, а избѣжать ихъ было нельзя и даже требовалось любезное къ нимъ отношеніе для пользы ввѣренныхъ его попеченію людей. Аксакову часто приходилось отказываться отъ предложеній пользоваться сторонними доходами. Это возбуждало недовольство окружающихъ. Его коробили откровенные разговоры о томъ, какъ кто по своей части грабитъ, воруетъ, доходы получаетъ. Въ военномъ вѣдомствѣ, по его словамъ, воровство было гораздо сильнѣе развито, чѣмъ въ гражданскомъ. Хозяйственная часть въ арміи обставлена была невѣроятными формальностями; въ результатѣ получались цѣлые вороха вѣдомостей, таблицъ! Точка отправленія была та, что всѣ воры и мошенники, и потому принимались всевозможныя мѣры противъ мошенничества, которое однако до нѣкоторой степени признавалось неизбѣжнымъ. Казна отпускала на многіе предметы менѣе необходимаго, а на иные и вовсе ничего, разсчитывая, что недостатки покроются изъ экономіи, которая останется отъ другихъ расходовъ. Конечно, экономія получалась, но ее спокойно клали въ карманъ, потому что вывести ее официально въ остаткѣ не было возможности. Экономію въ такомъ случаѣ отнимали, а показавшій ее не имѣлъ возможности покрыть тѣ расходы, на которые суммъ не отпускалось. И потому даже честный

человѣкъ долженъ былъ невольно лгать и лгать офиціально. И тѣ, которые отпускали деньги, знали, что отчетъ будетъ ложный, и тѣ, которые принимали и вели книги и отчетность, тоже лгали, чтобы удовлетворить требованіямъ офиціальной лжи, которой былъ проникнутъ весь бюрократизмъ. Эта ложь, словно чудовище, поглощала лучшія силы страны, но въ высшихъ сферахъ она именовалось порядкомъ. „Чего можно ожидать отъ страны, создавшей и выполнявшей такое общественное устройство“,—пишетъ Аксаковъ,—„гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обмановъ и мерзостей, чтобы добиться необходимаго, законнаго“. Какой-нибудь писарь распоряжался съ наглой самоувѣренностью, а офицеры жали ему руки, потому что онъ былъ имъ нуженъ. Все это общество представляло одно сплоченное цѣлое; пьянство и картежная игра были единственными развлеченіями; книгъ мало кто читалъ и свѣжему человѣку, который не могъ мириться съ такою жизнью, было страшно тяжело.

Сражаться никто не хотѣлъ, а всѣ только и ждали вѣстей о мирѣ. Ратники часто приходили къ Аксакову и, утирая кулакомъ слезы, говорили объ оставшихся дома семьяхъ, которыя умирали съ голоду, такъ какъ о нихъ мало заботились. Письма въ армію доходили нескоро. иногда цѣлый мѣсяцъ не получалось ни одного письма. Понятно, что при такомъ общемъ настроеніи нельзя было ожидать особенныхъ успѣховъ.

Миръ однако не былъ подписанъ, хотя переговоры о немъ и велись въ Вѣнѣ подъ предсѣдательствомъ австрійскаго министра. Государь мало возлагалъ надеждъ на возможность прійти къ какому-нибудь соглашенію и готовился къ худшему. Опасенія его сбылись.

Незадолго до кончины императоръ Николай принялъ

четыре основныхъ пункта, составленныхъ представителями Франціи и Англіи: 1) замѣна совокупнымъ ручательствомъ великихъ державъ русскаго протектората надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей; 2) свобода плаванія по Дунаю; 3) пересмотръ лондонскаго договора 1841 г. о закрытіи проливовъ съ цѣлью обезпечить независимость Оттоманской Имперіи и, въ видахъ европейскаго равновѣсія, положить конецъ преобладанію Россіи на Черномъ морѣ; 4) отказъ Россіи отъ права покровительства христіанамъ, подданнымъ султана, съ тѣмъ, что великія державы исходатайствуютъ отъ Порты подтвержденіе ихъ преимуществъ безъ различія вѣроисповѣданій.

Что касается первыхъ двухъ пунктовъ, то представители державъ скоро пришли къ соглашенію, но третій пунктъ возбудилъ много споровъ. Англія и Франція понимали его въ смыслѣ ограниченія правъ Россіи на Черномъ морѣ и требовали, чтобы мы не держали тамъ военнаго флота. Такое требованіе было отвергнуто Россіей. Уполномоченные предлагали либо открыть Черное море для флотовъ всѣхъ націй, либо совершенно закрыть его, но иностранныя державы на это не согласились. Государь давно пришелъ къ тому заключенію, что вѣнскіе переговоры ведутся только ради формы и ни къ какимъ результатамъ не приведутъ. Войну надо было продолжать, несмотря на неблагопріятныя условія.

Впрочемъ Австрія отказалась примкнуть къ союзникамъ и даже распустила своихъ резервистовъ. Но государь не очень довѣрялъ мирнымъ увѣреніямъ и приказалъ сформировать армію, которая должна была сосредоточиться въ Волыни, чтобы остановить возможное вторженіе австрійцевъ.

Но главное вниманіе всей Европы обращено было на Севастополь, гдѣ продолжался жестокій поединокъ между осажденными и союзными войсками.

Смѣна Меньшикова, котораго не любили за его тяжелый характеръ и самонадѣянность, все же встрѣчена была очень сочувственно. Говорили, что теперь солдаты будутъ меньше голодать. Впрочемъ и Горчаковъ не представлялъ собою особенно даровитаго главнокомандующаго; онъ постоянно медлилъ, боялся рѣшительныхъ дѣйствій и, ожидая подкрѣпленій, придерживался пассивной обороны. Главною его заботою было, чтобы власти не отнеслись съ порицаніемъ къ его распоряженіямъ и не взвалили на него всю вину неудачи. Напрасно успокоивалъ его государь, ссылаясь на то, что онъ принялъ командованіе въ трудную минуту и при тяжелыхъ условіяхъ.

Между тѣмъ собранное изъ 18 губерній ополченіе подвигалось на югъ Россіи въ количествѣ около 210.000 ратниковъ; изъ другихъ 13 губерній собрали еще около 150.000, а рекрутскіе наборы, 12 и 13 очередные и общій по всей имперіи, дали 372.000 рекрутъ. Такимъ образомъ военныя силы Россіи сразу возрасли на 740.000 человѣкъ. Подумать только, что должна была испытывать страна, у которой сразу отняли для военныхъ цѣлей такое количество людей! Главная тяжесть пала на многострадальный русскій народъ, который, какъ всегда въ годину бѣдствій, выносилъ на своихъ плечахъ всю тяготу. И этотъ народъ тогда былъ крѣпостнымъ; подъ ружье становились рабы. И этихъ людей начальники плохо кормили, плохо одѣвали, а изъ скопленныхъ денегъ составляли себѣ состоянія.

Въ началѣ марта союзныя войска возобновили бомбардировку Севастополя, которая съ того времени почти не прекращалась. 7 марта на Малаховомъ курганѣ былъ убитъ Истоминъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ не зналъ ни усталй, ни страха. Онъ заботился о Малаховомъ курганѣ, какъ о кораблѣ, ввѣренномъ его попеченію. Онъ создалъ изъ него отдѣльную крѣпость, окруживъ его мно-

жествомъ земляныхъ насыпей—траверзовъ. Истоминъ съ сердечною теплотою заботился о подчиненныхъ. За нѣсколько дней до смерти онъ хлопоталъ, чтобы прибавили еще носилокъ, такъ какъ раненыхъ часто носили на ружьяхъ, а то и просто за руки и за ноги. Онъ смѣло глядѣлъ въ лицо смерти, сознавая, что отсюда онъ не уйдетъ живымъ.

Истоминъ погибъ, возвращаясь съ Камчатскаго люнета. Онъ шелъ не по траншеѣ, а по гребню. На замѣчаніе сопровождавшихъ его поберечься, Истоминъ отвѣтилъ:—„Все равно, отъ ядра не спрячешься!“ Въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову. Матросы бросились къ его тѣлу и горько оплакивали кончину любимаго и заботливаго о меньшемъ братѣ начальника.

Вотъ что пишетъ очевидецъ о жизни въ Севастополѣ въ это трудное время:

„Вслушайтесь, какіе разнообразные звуки составляетъ этотъ концертъ смерти, который разыгрывается шестой мѣсяцъ въ Севастополѣ! Жители: старики, женщины, дѣти, не говоря уже о военныхъ,—такъ привыкли къ этому концерту, что намъ кажется необыкновеннымъ не только получасъ, но даже пять минутъ, въ которыя по какому нибудь случаю не бываетъ слышно выстрѣловъ. Дня почти не проходитъ, чтобы не было несчастнаго случая съ кѣмъ-нибудь изъ жителей, а между тѣмъ остальные не обращаютъ на это никакого вниманія,—совершенно привыкли къ близости смерти, сдружились съ нею.

„Женщины моютъ бѣлье офицерамъ, торгуютъ не только на базарахъ, но и на самомъ Малаховомъ курганѣ, сидя за траверзомъ, предлагая солдатамъ, приходящимъ въ свободную минуту полакомиться,—блины, пироги, куски изрѣзанной селедки, яблоки, булки, квасъ, орѣхи, холодецъ и всякую съѣстную всячину, которую солдаты, если есть лишняя копейка, запиваютъ горячимъ

сбитнемъ. Во время общаго бомбардированія, женщины таскали безпрестанно воду на бастіоны освѣжать измученныхъ трудомъ и зноемъ бойцовъ. Убьють ли кого изъ нашихъ офицеровъ,—непремѣнно явится хозяйка убитаго или сосѣдка оросить слезою участія славный прахъ, обложить голову свѣжими листками герани и мирта. Бываетъ иногда, ударятъ тревогу. Что-жь женщины? Кричать, бѣгаютъ? Ничуть не бывало; нѣтъ привычки — стоятъ у своихъ калитокъ, подгорюнясь и провожая полными слезъ глазами бѣгущіе по своимъ мѣстамъ отряды солдатъ...

„Женщины, оставаясь въ Севастополѣ, не уменьшали мужества его защитниковъ, нѣтъ! Видя твердость женщинъ въ самыя опасныя мгновенія, укрѣпляется даже слабый духъ. Закипитъ дѣло посильнѣе, какая-нибудь вылазка, нападеніе,—женщины знаютъ, гдѣ будетъ работа: бѣгутъ на перевязочный пунктъ, и, кто чѣмъ можетъ, помогаютъ раненымъ.

„Иногда ночью, стоя на брустверѣ, сигнальщикъ, тоскуя душой, затянетъ пѣсню, одну изъ тѣхъ пѣсенъ, что по словамъ Гоголя: „зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце“. „Не бѣлы снѣги“... поетъ сигнальщикъ, протягивая каждый звукъ... „не бѣлы снѣги то во полѣ... пушка-а-а!... забѣлѣлися... Мартына!.. бонба!.. забѣлѣлися. Ахъ, не бѣлы... мартына!.. Мимо!..“ и такъ далѣе, цѣлую ночь, подъ разнообразные звуки выстрѣловъ... Часто, очень часто сигнальщикъ не успѣваетъ докончить слово „пушка“; ядро вѣдь несется стремительно“.

Л. Н. Толстой, въ своихъ разсказахъ о Севастопольской оборонѣ, описываетъ состояніе духа людей, находившихся въ смертельной опасности.

„— Ложись,—крикнулъ чей-то голосъ.

„Михайловъ и Проскухинъ прилегли къ землѣ. Прос-

кухинъ, зажмурясь, слышалъ только, какъ бомба гдѣ-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часомъ, — бомбу не рвало. Проскухинъ испугался: не напрасно ли онъ струсилъ? Можетъ быть бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка шипитъ тутъ-же. Онъ открылъ глаза и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Михайловъ, около самыхъ ногъ его, неподвижно лежалъ на землѣ. Но тутъ же глаза его на мгновеніе встрѣтились съ свѣтящеюся трубкою на аршинъ отъ него крутившейся бомбы.

„Ужасъ, — холодный, исключающій всѣ другія мысли и чувства, — ужасъ объялъ все существо его. Онъ закрылъ лицо руками.

„Прошла еще секунда, секунда, въ которую цѣлый міръ чувствъ, мыслей и надеждъ, воспоминаній промелькнулъ въ его воображеніи... Но чувство настоящаго — ожиданія смерти — ни на мгновеніе не покидало его. „Впрочемъ, можетъ быть не лопнетъ“, — подумалъ онъ и съ отчаянной рѣшимостью хотѣлъ открыть глаза. Но въ это мгновеніе, еще сквозь закрытыя вѣки, глаза его поразилъ красный огонь, съ страшнымъ трескомъ что-то толкнуло его въ середину груди; онъ побѣжалъ куда-то, споткнулся на подвернувшуюся подъ ноги саблю и упалъ на бокъ.

„Слава Богу! я только контуженъ“, было его первою мыслью и онъ хотѣлъ руками дотронуться до груди; но руки его казались привязанными, и какіе-то тиски сдавили голову. Въ глазахъ его мелькали солдаты, и онъ безсознательно считалъ ихъ: „одинъ, два, три солдата“... Потомъ молнія блеснула въ его глазахъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, что контуженъ, но ротъ былъ такъ сухъ, что языкъ прилипъ къ небу, и ужасная жажда мучила его... Онъ собралъ всѣ силы и хотѣлъ крикнуть: „возьмите меня!“ Но вмѣсто этого застоналъ такъ ужасно, что ему

страшно было слушать себя. Потомъ какіе-то красные огни запрыгали у него въ глазахъ,—а ему показалось, что солдаты кладутъ на него камни; огни прыгали все рѣже и рѣже, камни, которые на него накладывали, давили все больше и больше. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ и не чувствовалъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ осколкомъ въ середину груди.

„Сотни такихъ свѣжихъ окровавленныхъ тѣлъ людей, за два часа тому назадъ полныхъ разнообразныхъ, высокихъ и мелкихъ надеждъ и желаній, съ окоченѣлыми членами, лежали на росистой, цвѣтущей долинѣ, отдѣляющей бастіонъ отъ траншеи, и на ровномъ полу часовни мертвыхъ въ Севастополѣ, сотни людей съ проклятіями и молитвами на пересохшихъ устахъ, ползли, ворочались и стонали, одни между трупами на цвѣтущей долинѣ, другіе на носилкахъ, на койкахъ и на окровавленномъ полу перевязочнаго пункта, а все такъ же, какъ и въ прежніе дни, загорѣлась зарница надъ Сапунъ-горою, поблѣднѣли мерцающія звѣзды, потянулъ бѣлый туманъ съ шумящаго темнаго моря, зажглась алая заря на востокѣ, разбѣжались багровыя длинныя тучки по свѣтло-лазурному горизонту, и все такъ же, какъ и въ прежніе дни, обѣщая радость, любовь и счастіе всему ожившему міру, выплывало могучее, прекрасное свѣтило".

Много можно написать страницъ объ отдѣльныхъ геройскихъ подвигахъ и страданіяхъ, увѣчьяхъ и смерти. День за днемъ тянулась кровавая бойня и отмѣчались только особенныя событія, болѣе ожесточенные штурмы Севастополя. Первый штурмъ былъ осенью, второй и самый ужасный — 28 марта, на второй день праздника Пасхи. Десять дней подъ рядъ союзные войска осыпали Севастополь адскимъ огнемъ; каждый день они

посылали до 36.000 бомбъ и другихъ снарядовъ, такъ что земля дрожала и воздухъ гудѣлъ отъ этой канонады. Ежедневно на бастіонахъ убывало до 700 человѣкъ убитыми и ранеными. Причиною такой настойчивой бомбардировки было извѣстіе, что къ Севастополю идетъ подкрѣпленіе изъ Бессарабіи. Непріятель надѣялся нанести окончательный ударъ гарнизону раньше, чѣмъ подоспѣетъ свѣжее войско. Еще на Страстной недѣлѣ началась усиленная канонада, какъ разъ во время чтенія двѣнадцати евангелій. Люди молились подъ звуки разрывающихся снарядовъ. Въ самую пасхальную ночь благовѣстъ колоколовъ сливался съ грохотомъ орудій. Улицы были полны народомъ, который спѣшилъ въ ярко освѣщенные храмы. Весь гарнизонъ и свободные отъ службы офицеры, морскіе и сухопутные, тѣснились въ небольшомъ соборѣ св. Екатерины и христосовались съ главнокомандующимъ. Вокругъ храма толпились матросы, солдаты, женщины. Цѣлые ряды куличей и пасхъ, съ горящими передъ ними свѣчами, ожидали освященія.

По окончаніи службы, духовенство отправилось на бастіоны и тамъ служило молебны. Все было прибрано и смотрѣло по праздничному; длинными рядами стояли пасхи и куличи. Въ офицерскихъ блиндажахъ собирались разговляться, слышались смѣхъ и шутки — и „Христосъ Воскресе“ раздавалось всюду, но въ отвѣтъ нерѣдко пролетала бомба и не всякій успѣвалъ сказать „Воистину Воскресе!“

На другой день на многихъ бастіонахъ гремѣла музыка, слышались пѣсни, — люди веселились, какъ будто они были дома въ родной семьѣ. А тамъ, на родинѣ, сколько слезъ было пролито при воспоминаніи о тѣхъ, чье мѣсто за праздничнымъ столомъ пустовало! Вѣдь въ праздникъ всякое горе особенно хватаетъ за сердце.

Первый день праздника прошелъ сравнительно тихо.

Но вотъ въ 5 час. утра 28 марта поднялась пальба изъ 482 орудій непріятельскихъ и изъ 466 орудій со стороны Севастополя. Ядра, какъ резиновые мячики, прыгали по улицамъ; жители спасались, гдѣ могли. Женщины тащили за руку дѣтей, выводили больныхъ и стариковъ. Всюду слышались возгласы: „Господи! хуже ада кромѣшнаго! По улицамъ безпрестанно проходили носильщики и вели подъ руку окровавленныхъ солдатъ; навстрѣчу двигались отряды войскъ, скакали офицеры, ѣхали повозки и фуры съ водой и снарядами.

Проливной дождь съ сильнымъ вѣтромъ пронизывалъ насквозь стоявшихъ на бастіонахъ. Густой туманъ съ пороховымъ дымомъ закуталъ весь горизонтъ. Трескъ лопающихся бомбъ, грохотъ выстрѣловъ, крики людей, —все сливалось въ одинъ непрерывный гулъ, котораго описать невозможно словомъ человѣческимъ. Всюду царила ужасная суматоха; огни бомбъ мелькали на небѣ; осажденные испытывали невыносимый звонъ въ ушахъ, а тягостное ожиданіе бѣды и смерти томило душу.

Всю ночь не смыкалъ глазъ гарнизонъ, а на утро всѣ стали подъ ружье и прислуга размѣстилась у орудій. Ни усиленные труды, ни безсонница,— ничто не могло поколебать русскаго солдата. Легко раненые и контуженые не оставляли своихъ мѣстъ. Незыблемою живою стѣною стояли моряки и солдаты подъ тысячами бомбъ, ядеръ и гранатъ; твердо, съ открытою грудью, окружали они городъ, ввѣренный ихъ защитѣ. Съ безусловнымъ и безкорыстнымъ самоотверженіемъ отдаетъ народъ свою жизнь, не разсчитывая ни на какія награды. Отправляясь въ самый жаркій огонь, солдатъ сниметъ шапку, перекрестится—и вотъ онъ готовъ къ смерти.

Съ глубокимъ чувствомъ уваженія надо преклониться передъ подвигами Черноморскаго флота и пѣхотныхъ полковъ: Владимірскаго, Селенгинскаго, Волынскаго, Кам-

чатскаго, Охотскаго, Тобольскаго, Томскаго, Келыванскаго, Екатеринбургскаго, Якутскаго, Сѣвскаго, Алексопольскаго и многихъ другихъ.

Солдаты стояли подъ выстрѣлами, они же строили укрѣпленія, исправляли ихъ и дѣлали вылазки почти каждый день. Окрестности города между тѣмъ постепенно покрывались братскими могилами, гдѣ эти же солдаты находили себѣ вѣчное успокоеніе.

Потери наши были такъ велики, что съ конца февраля до средины іюня у насъ выбыло около 50,000 человѣкъ убитыми и ранеными.

XIX.

Весна и лѣто въ осажденномъ городѣ.

Зацвѣла сирень, и каждое уцѣлѣвшее въ городѣ деревцо нарядилось въ свѣтло-зеленый уборъ. Въ садахъ показались цвѣты, и надо было видѣть, съ какимъ восторгомъ любовались этими цвѣтами закаленные въ бою, казалось бы, загрубѣлые люди. Въ маѣ мѣсяцѣ наступила уже настоящая жара, и на бастіонахъ порядочно припекало. Замелькали въ городѣ кителя и бѣлыя фуражки.

Какъ ни старалась разукраситься природа, какъ ни сіяло солнце на яркомъ, веселомъ небѣ, какъ ни была плѣнительна теплая южная ночь, а люди все продолжали свое дѣло; враги подкапывались одинъ къ другому, возводили все новыя укрѣпленія, желая одного: принести какъ можно больше вреда, погубить какъ можно побольше жизней.

Французы получили подкрѣпленіе, и начальство надъ

арміей перешло отъ Канробера къ генералу Пелисье. Замѣтивъ, что русскіе приближаются къ союзной арміи, возводя новые окопы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшали французамъ завладѣть одной высотой, на которую они уже давно нацѣливались, Пелисье приказалъ ночью на 11-е мая уничтожить работы русскихъ. Не успѣли наши войти во вновь сооружаемыя траншеи, какъ во французскомъ лагерѣ заиграли рожки и сигнальныя трубы. Французы стремительно бросились въ атаку. Борьба приняла страшные размѣры. Ложементы переходили изъ рукъ въ руки. Надъ полемъ битвы образовался точно огненный сводъ изъ летящихъ бомбъ и ядеръ. Потери сразу были очень значительны, и солдаты то и дѣло спотыкались объ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ не успѣвали уносить съ поля битвы. Все новые и новые батальоны поспѣвали на выручку товарищей. Это была такая ужасная ночь, о которой участники боя, оставшіеся въ живыхъ, не могли вспомнить безъ содроганія. Въ траншеяхъ смолкла пальба и слышно было, какъ стучали приклады, какъ звенѣли штыки; раздавались вопли, крики, брань...

Борьба продолжалась до самаго утра, но французы должны были отступить, удержавъ за собою лишь высоты у Карантинной бухты. 12 мая утромъ было объявлено перемиріе, и солдаты, нѣсколько часовъ тому назадъ ожесточенно дравшіеся между собою, теперь мирно сошлись, перекидывались шутками, коверкая слова чужой рѣчи и предлагая раскурить трубку и затянуться табачкомъ.

Вотъ что говоритъ Л. Н. Толстой объ этой встрѣчѣ: „На нашемъ бастіонѣ и на французской траншеѣ выставлены бѣлые флаги, и между ними, въ цвѣтущей долинѣ, кучами лежатъ, безъ сапоговъ, въ сѣрыхъ и синихъ одеждахъ, изуродованные трупы, которые сносятъ рабочіе и накладываютъ на повозки. Запахъ мертваго

тѣла наполняетъ воздухъ. Изъ Севастополя и изъ французскаго лагеря высыпали толпы народа, смотрѣть на это зрѣлище и съ жаднымъ и благосклоннымъ любопытствомъ стремятся однѣ къ другимъ.

„Да, на бастіонѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ въ золотыхъ лучахъ солнца.

„Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди—христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія,—глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ съ страхомъ смерти, любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастія не обнимутся, какъ братья? Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь, и слышатся стоны и проклятія.

„Кто злодѣй? Кто герой? Всѣ хороши и всѣ дурны".

У насъ потеря была за одинъ день 3200 чел., въ томъ числѣ убитъ генералъ Адлербергъ и выбыло 61 чел. офицеровъ.

Союзники вскорѣ опять открыли огонь по городу. 25-го мая они произвели третью бомбардировку (штурмъ) Севастополя, обстрѣливая Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій редуты и Корниловскій бастіонъ. Огонь не прекращался весь день и Камчатскій редутъ къ утру представлялъ собою груду развалинъ. Генералъ Жабокритскій, которому ввѣрена была защита передовыхъ укрѣпленій, неумѣлыми распоряженіями ослабилъ ихъ до послѣдней степени; увидѣвъ, что непріятель собирается произвести атаку, онъ сказался больнымъ и уѣхалъ въ сѣверную часть города. На мѣсто его назна-

Третій бастіонъ.

чили Хрулева, который прибылъ за нѣсколько минутъ до боя и не могъ сдѣлать ни одного предварительнаго распоряженія, такъ какъ уже получено было извѣстіе о движеніи штурмующихъ колоннъ.

Въ шесть часовъ вечера 26 мая Нахимовъ, объѣзжая бастіоны, первый замѣтилъ надвигающагося непріятеля и закричалъ: „Штурмъ!“ Французы бросились въ атаку съ такою стремительностью, что чуть не захватили въ плѣнъ Нахимова. Они заняли передовыя укрѣпленія и преслѣдовали русскихъ почти до самаго Малахова кургана.

На выручку нашимъ спѣшно подходили батальоны, которымъ удалось отчасти выбить непріятеля. Онъ открылъ мѣстами сильный перекрестный огонь, причинившій большія потери тѣмъ болѣе, что наши войска, не имѣя одного общаго начальника, не соблюдали должной осторожности; солдаты разбрелись, стараясь найти защиту отъ губительнаго огня. Пользуясь разстройствомъ нашихъ войскъ, противникъ снова сдѣлалъ нападеніе, и такимъ образомъ бой продолжался всю ночь. Французы удержали за собою нѣсколько укрѣпленій и спѣшно принялись за работу, чтобы исправить поврежденія. Особенно досадовали наши солдаты, что непріятелю достался Камчатскій редутъ, откуда сыпался свинцовый дождь на Малаховъ курганъ.

И въ этомъ дѣлѣ потери были очень значительны и на перевязочные пункты стекалось множество раненыхъ. Врачи и сестры работали неутомимо. Залы дворянскаго собранія, обращенныя въ госпиталь, были полны пострадавшими; къ парадному входу вела кровавая дорога, по которой слѣдовали носилки. Двери главной залы ежеминутно отворялись и затворялись—вносили и выносили по командѣ: „на столъ“, „на койку“, или—„въ домъ Гущина“ (туда сносились умирающіе), „въ Инженерный“ и

т. д. Въ боковой залѣ, гдѣ производились операціи, кровь лилась рѣкою; отнятыя руки и ноги лежали грудами, сваленныя въ ушатахъ. За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, и служители готовились нести ихъ на столы для операцій. Запахъ крови и хлороформа наполнялъ просторную комнату, несмотря на то, что ее постоянно провѣтривали.

Представимъ себѣ темную южную ночь, при тускломъ свѣтѣ фонарей, ряды носильщиковъ идущихъ ко входу собранія и едва пробивающихъ себѣ дорогу сквозь густую толпу солдатъ, которые хотя и пострадали, но еще держатся на ногахъ. Всѣ стремятся за помощью: кто проситъ перевязки, операціи, умирающій—напутствія, всѣ—облегченія страданій. Сестры милосердія разносятъ вино, чай, помогаютъ при перевязкахъ, принимаютъ на сохраненіе деньги и вещи страдальцевъ. А кругомъ блѣдные, какъ полотно, отъ потери крови лежатъ люди съ оторванными и раздробленными членами. Страшное время; ужасныя картины, неразлучныя съ тѣмъ, что зовется войной. Если гибель одного человѣка вызываетъ скорбь окружающихъ, то каково было людямъ, лицезрѣвшимъ такое массовое избіеніе! Героевъ было много, но еще больше было несчастныхъ.

XX.

Послѣдніе мѣсяцы обороны.

Захвативъ нѣсколько укрѣпленій, союзныя войска начали дѣйствовать смѣлѣе; они продолжали бомбардировку почти безъ перерывовъ, а 5 іюня она достигла такихъ страшныхъ размѣровъ, какихъ не достигала ни разу. Ядра, картечь и пули сыпались градомъ, а воздухъ

отъ порохового дыма сдѣлался такимъ удушливымъ, что дышать было почти невозможно. И въ такихъ то условіяхъ приходилось сражаться. 6-го іюня начался 4-й штурмъ Севастополя! Союзники надѣялись, что имъ удастся овладѣть городомъ, но геройскія усилія русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Хрулева отбили и этотъ штурмъ.

Увѣренность, что въ этотъ день укрѣпленія и городъ будутъ взяты, была всеобщая между солдатами союзныхъ войскъ. Англичане захватили съ собой закуски, чтобы позавтракать въ Севастополѣ; раненый и взятый въ плѣнъ французскій офицеръ говорилъ, что напрасно заботятся о его перевязкѣ, такъ какъ городъ черезъ полчаса будетъ въ рукахъ его товарищей, которые и помогутъ ему. Другой французъ, капралъ, пробрался въ городъ и сѣлъ на церковную паперть; въ суматохѣ его не сразу замѣтили. Когда нашъ офицеръ подошелъ къ нему и спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ, тотъ отвѣтилъ спокойно:

— Жду своихъ. Черезъ четверть часа возьмутъ Севастополь.

Ожиданія однако оказались напрасными и союзники на этотъ разъ еще не достигли цѣли. Они уже засѣли въ нѣсколькихъ домикахъ Матросской Слободы и, угрожая обойти Малаховъ курганъ, могли ударить съ тылу, прорвавъ нашу оборонительную линію. Это была роковая минута. Но русскіе, точно понявъ опасность, принялись выбивать непріятеля изъ занятыхъ имъ домовъ. Кто бѣжалъ съ пучкомъ соломы, чтобы поджечь домъ, гдѣ спрятались враги, кто вламывался въ окна, разметывалъ крыши и уничтожалъ все на своемъ пути.—„Проси пардонъ!“ — кричали солдаты; кто защищался, того душили и прикалывали штыкомъ. Въ человѣкѣ проснулся звѣрь. За однимъ французскимъ солдатомъ гнались сѣвскіе солдаты: „постой, золотая шапка! Экій прыткій, не догонишь!“

Французъ вдругъ свернулъ въ сторону и вскочилъ въ избушку, солдатъ за нимъ и мгновенно прокололъ его штыкомъ въ грудь. Въ предсмертныхъ судорогахъ, несчастный руками ухватился за штыкъ, его пронзившій, съ такою силою, что солдатъ не могъ его вырвать разомъ изъ груди умирающаго, а между тѣмъ подскочилъ другой французъ и, увидя гибель товарища, разсѣкъ саблею голову русскаго солдата. Враги испустили дыханіе, залитые своею смѣшавшеюся кровью, и были найдены соединенные смертоноснымъ желѣзомъ. Солдаты до того были опьянены побѣдой, что смѣялись и шутили, поражая врага прикладами, штыками и кричали: „бить саранчу проклятую на смерть!“ Отвага и жестокость соединялись въ одно. И эти самые люди на другой день, убирая убитыхъ, мирно бесѣдовали съ врагомъ, оказывая ему услуги.

Когда штурмъ былъ отбитъ, солдаты, видя, что между убитыми есть много раненыхъ, позволяли имъ уползать и даже сами подходили къ нимъ съ манеркой ключевой воды, услаждая послѣднія минуты умирающихъ и подкрѣпляя силы еще способныхъ къ жизни. Нѣкоторые приносили съ собою раненыхъ и оказывали имъ помощь. Нашихъ выбыло изъ строя 5-го и 6-го числа 5446 человѣкъ; изъ одной роты сѣвскаго полка осталось только 33 солдата. Много погибло и офицеровъ.

На другой день былъ поднятъ бѣлый флагъ, и союзные войска, вмѣстѣ съ нашими, занялись уборкой убитыхъ. Французы признались, что потеряли много офицеровъ, и печальные бродили они между разлагающимися трупами. „Когда-то прекратится эта ужасная война!“ говорили многіе. Когда-то вообще прекратятся войны и всеобщій миръ соединитъ народы-братьевъ!

А пока войска готовились къ новой борьбѣ, вырывая траншеи и поправляя развороченные бомбами редуты. Стояла жаркая погода, и земля такъ разсохлась, что

работать лопатой было чрезвычайно трудно. Но люди терпѣливо продолжали свой трудъ подъ грохотомъ орудій и весело перекидывались шутками. А тутъ смотришь, кому оторвало руку, ногу, и стоны сливаются со смѣхомъ; постоянный видъ крови уже закалилъ сердца.

28 іюня былъ смертельно раненъ въ голову на Корниловскомъ бастіонѣ знаменитый защитникъ Севастополя и герой Синопской битвы, адмиралъ Нахимовъ. Не было, кажется, человѣка, который не пожалѣлъ этого добраго, честнаго, безкорыстнаго труженика.

28 іюня непріятель открылъ сильную канонаду по третьему бастіону. Объѣзжая по обыкновенію оборонительную линію, Павелъ Степановичъ Нахимовъ въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ отправился туда. Дорогой онъ былъ веселъ и много разговаривалъ. Съ третьяго бастіона Нахимовъ отправился на Малаховъ курганъ, стоившій Севастополю столько крови. Сюда часто долетали штуцерныя пули, но артиллерійскаго огня не было. Павелъ Степановичъ взошелъ на банкетъ, (площадка для стрѣлковъ съ внутренней стороны насыпи) и, взявъ трубу, сталъ разглядывать непріятельскія работы. Его черный сюртукъ съ золотыми эполетами рѣзко отдѣлялся отъ окружающихъ его людей, которые носили давно солдатскія шинели. Его встрѣтилъ начальникъ четвертаго отдѣленія оборонительной линіи и, опасаясь, какъ бы пули не задѣли адмирала, предложилъ ему пойти отслушать всенощную.

– А вотъ сейчасъ приду-съ, я васъ не держу, ступайте,—отвѣтилъ Павелъ Степановичъ.

Въ это время пуля ударила возлѣ него въ земляной мѣшокъ.

— Они цѣлятъ довольно хорошо,—проговорилъ Нахимовъ, оставаясь спокойно на мѣстѣ.

Его опять предупредили объ опасности.

П. С. Нахимовъ.

— Это дѣло случая,—замѣтилъ онъ и пріостановился, чтобы взглянуть на полетъ пущенной нами бомбы, но вдругъ пошатнулся и упалъ, сраженный пулей въ високъ, выше лѣваго глаза. Нахимовъ тутъ же впалъ въ безпамятство и не приходилъ въ себя до самой кончины.

Его смерть вызвала всеобщее уныніе. Это былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, простодушный и добрый въ обращеніи. Онъ понималъ хорошо солдатскую душу, не любилъ говорить громкихъ словъ, но личнымъ примѣромъ вселялъ и въ другихъ желаніе исполнять свой долгъ. Солдаты любили Нахимова за его заботы о ихъ нуждахъ и за простоту отношеній; доступъ къ нему всегда былъ открытъ во всякое время дня и ночи. Все, что онъ имѣлъ и что могъ выхлопотать, онъ отдавалъ солдатамъ.

Врагъ всякихъ формальностей, онъ живо вникалъ въ дѣло и такъ же быстро приводилъ въ исполненіе обѣщанное. Онъ заботился о больныхъ и раненыхъ и всячески старался облегчить участь солдатъ. Большую часть жалованья и наградныхъ денегъ онъ раздавалъ матросамъ и ихъ семьямъ. Офицеры также испытывали на себѣ его вниманіе; онъ всѣмъ удѣлялъ, что могъ, и вникалъ въ нужды своихъ подчиненныхъ. Въ тѣ суровыя времена такой человѣкъ могъ дѣлать много добра, а Нахимовъ никогда не отказывался выслушать всякаго, кто къ нему обращался, и сдѣлать все, что отъ него зависѣло.

Когда онъ лежалъ въ гробу, покрытый андреевскимъ флагомъ и тѣмъ, который развѣвался на его суднѣ въ день Синопскаго боя, толпы матросовъ, солдатъ и простого народа шли проститься съ дорогимъ усопшимъ; плакали не только женщины, но и закаленные въ бою солдаты. Его похоронили рядомъ съ Корниловымъ и Истоминымъ.

Союзныя войска между тѣмъ продолжали свои дѣй-

ствія, получивъ въ подмогу еще 103 орудія. Ружейная стрѣльба тоже не ослабѣвала и ежедневно расходовали съ той и другой стороны до 150,000 патроновъ. Съ нашей стороны производились вылазки, но онѣ не могли задержать дѣйствія непріятеля, который подступалъ все ближе и ближе, такъ что къ началу августа подвинулся къ Малахову кургану на разстояніе 55 саженей. Подступы его стѣсняли осажденныхъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, въ Севастополѣ уже не было такого мѣста, куда не попадали бы снаряды. Войска въ немъ оставалось до 50.000 человѣкъ, разсѣянныхъ по всей оборонительной линіи. Непріятель обладалъ значительнымъ превосходствомъ силъ и большими запасами артиллерійскихъ снарядовъ.

Всѣмъ было ясно, что Севастополь доживалъ послѣдніе дни. Отсрочить его паденіе было возможно лишь посредствомъ наступательныхъ дѣйствій, хотя они были очень рискованы, въ виду малочисленности войска. Сперва Горчаковъ не рѣшался на такую мѣру и считалъ это сумасшествіемъ, но въ Петербургѣ высшее военное начальство желало, чтобы наступленіе было предпринято, и Горчаковъ получилъ предписаніе собрать военный совѣтъ, который и долженъ былъ опредѣлить дальнѣйшія дѣйствія. 28 іюля совѣтъ былъ собранъ и большинство высказалось за наступленіе, при чемъ атака должна была послѣдовать со стороны Черной рѣчки. Горчаковъ подчинился рѣшенію, хотя самъ не разсчитывалъ на успѣхъ. Между флотскими и прочими военными властями, какъ было слышно, происходили частыя недоразумѣнія и это, конечно, не могло не отразиться на успѣшномъ ходѣ дѣла.

Черная рѣчка находилась во власти непріятеля и единственный мостъ черезъ нее, называемый Трактирнымъ, въ рукахъ французовъ; лѣвѣе, по сю сторону рѣки, на

Телеграфной горѣ стояли передовыя войска сардинцевъ; всѣ вообще союзныя войска занимали очень выгодную позицію, расположившись на трехъ отдѣльныхъ возвышеніяхъ. Лѣвѣе была Гасфорта гора, въ срединѣ—тремя уступами Федюхины высоты и правѣе обрывы Сапунъ-горы. Позиція была усилена укрѣпленіями, батареями, разными искусственными препятствіями.

Атаку приходилось вести при весьма трудныхъ условіяхъ. Наши войска должны были подъ выстрѣлами переправляться черезъ Черную рѣчку, пройти довольно большое пространство до большого канала передъ Федюхиными высотами, переправиться черезъ него и лѣзть въ гору на штыки непріятельскаго войска. Взобравшись на горы, мы не могли бы на нихъ долго продержаться по той причинѣ, что тамъ вовсе не было воды.

Наши войска были раздѣлены на два отряда: правый—подъ начальствомъ генерала Реада—изъ 14.833 чел.; лѣвый—подъ начальствомъ Липранди—15.889 чел. Въ резервѣ, подъ начальствомъ Шепелева, находилось еще 18.968 чел., а въ кавалерійскомъ резервѣ—8.195 чел. Атака была назначена въ ночь съ 3-го на 4-е августа. Лѣвая колонна Липранди должна была первая пойти въ атаку. Густой туманъ надъ рѣкою скрывалъ наши войска отъ непріятеля; поэтому они могли подойти незамѣченными къ высотамъ, на которыхъ расположены были союзники; такимъ образомъ даже послѣ начала сраженія противникъ не могъ опредѣлить численности нашихъ силъ.

Липранди овладѣлъ Телеграфной горою и только что собрался атаковать Гасфорту гору, какъ послышались выстрѣлы со стороны Федюхиныхъ высотъ. Оказалось, что генералъ Реадъ, вопреки приказанію главнокомандующаго, повелъ тамъ атаку и тѣмъ съ самаго начала нарушилъ правильный ходъ сраженія. Горчаковъ призналъ съ этой минуты, что дѣло проиграно. По необхо-

димости пришлось поддерживать атаку на Федюхины высоты.

И въ этомъ сраженіи повторилось то же, что и подъ Инкерманомъ; отдѣльные полки карабкались на высоты, съ беззавѣтною храбростью бросались на противника; ихъ отбивали, они снова ползли, за ними другіе полки и т. д. Одесскій полкъ подъ начальствомъ Мартинау, бросившись на высоты, захватилъ укрѣпленіе; слѣдомъ за нимъ шли Азовскій и Украинскій полки,—и ихъ атаку французы сравниваютъ съ силой лавины, которая обрушивается съ горъ. Къ сожалѣнію мужество и удивительная храбрость еще недостаточны, чтобы выиграть сраженіе. Слишкомъ часто это доказывалось, какъ въ эту кампанію, такъ и въ другія. Люди гибли сотнями, тысячами. Были убиты и начальники—Реадъ, Мартинау, Соколовъ, Веймарнъ, Вревскій, почти всѣ батальонные и ротные командиры. Московскій полкъ бросился на выручку и вступилъ въ рукопашный бой, но тоже отступилъ вмѣстѣ съ Бутырскимъ, понеся значительныя потери. Всѣ усилія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и полковъ, не привели ни къ чему — сраженіе было проиграно. Напрасно севастопольцы ждали радостнаго сигнала о побѣдѣ, послѣ котораго оставшіеся войска должны были произвести вылазку. Всѣ ждали съ затаеннымъ дыханіемъ исхода сраженія, отъ котораго зависѣла участь Севастополя. Тревога смѣнила надежды, отчаяніе смѣнило тревожное настроеніе: къ вечеру пришло извѣстіе объ отступленіи нашихъ войскъ.

Вотъ пѣсня, сложенная группой офицеровъ; между ними былъ и Л. Н. Толстой, которому приписываютъ нѣсколько куплетовъ:

Какъ четвертаго числа
Насъ нелегкая несла
Горы обирать!

Баронъ Вревскій—генералъ
Къ Горчакову приставалъ,
Когда подъ-шафе:
,,Князь, возьми ты эту гору,
Не входи со мною въ ссору,
Не то донесу".
Собирались на совѣты
Всѣ большіе эполеты,
Даже Плацъ-Бекокъ!
Полицмейстеръ Плацъ-Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что ему сказать!..
Долго думали-гадали,
Топографы все писали
На большомъ листу!
Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,—
А по нимъ ходить.
Выѣзжали князья-графы,
А за ними топографы,
На большой редутъ!..
Князь сказалъ: ,,Ступай Липранди!"
А Липранди: ,,нѣтъ, атанде",
Молвилъ, ,,не пойду!
Туда умнаго не надо;
Ты пошли туда Реада,
А я посмотрю!"
Глядь, Реадъ возьми—да спросту
И повелъ насъ прямо къ мосту,
Ну-ка, на ура!
Мартенау умолялъ,
Чтобъ лезертовъ обождалъ.
,,Нѣтъ, ужъ пусть идутъ!"
На ,,ура!" мы зашумѣли,
Да лезерты не поспѣли,
Кто-то переврал!
А Бѣлевцевъ-генералъ
Крѣпко знамя потрясалъ:
Вовсе не къ лицу!
На Ѳедюхины высоты
Насъ пришло всего три роты,
А пошли полки!
Наше войско небольшое,
А французовъ было втрое,
И секурсу тьма!
Ждали, выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ!
А тамъ Сакенъ-генералъ
Все акафисты читалъ
Богородицѣ.

И пришлось намъ отступать
. . . .
Кто туда водилъ.

На слѣдующій день непріятель открылъ усиленную бомбардировку и начался 5-й штурмъ Севастополя. Траншеи противника придвигались съ каждымъ часомъ все ближе и ближе и въ послѣднихъ числахъ августа они находились отъ Корниловскаго бастіона на разстояніи 12 саженъ. Ежедневно выбывало отъ 600 до 1.000 человѣкъ, а невозможность исправлять поврежденія, наносимыя непріятелемъ, привела къ убѣжденію прекратить напрасное кровопролитіе. Наступили послѣдніе дни Севастополя. Большинство построекъ представляло груды развалинъ, какъ послѣ землетрясенія.

27 августа начался шестой и послѣдній штурмъ. Французы завладѣли Малаховымъ курганомъ и оттуда открыли огонь по нашимъ укрѣпленіямъ. Англичане нѣсколько разъ производили атаки, но были отбиты. Однако къ вечеру, послѣ ужасной кровопролитной битвы, стоившей жизни многимъ офицерамъ, а потери въ рядахъ солдатъ и не перечесть, русскіе принуждены были покинуть укрѣпленія и отказаться отъ дальнѣйшей защиты. Развалины южнаго Севастополя были предоставлены врагу, а войска переведены черезъ бухту, частью на судахъ, частью по плавучему мосту. Л. Н. Толстой описалъ эту глубоко печальную и торжественную минуту.

„Въ девятомъ часу вечера на пароходѣ перевозили батарею на сѣверную; солдаты, пушки, лошади и раненые тѣснились на палубѣ. Выстрѣловъ нигдѣ не было. Звѣзды такъ же, какъ и въ прошлую ночь, ярко блестѣли на небѣ; но сильный вѣтеръ колыхалъ море. На 1-мъ и 2-мъ бастіонахъ вспыхивали по землѣ молніи; взрывы потрясали воздухъ и освѣщали вокругъ себя какіе-то

черные странные предметы и камни, взлетавшие на воздухъ. Что-то горѣло около доковъ и красное пламя отражалось въ водѣ. Мостъ, наполненный народомъ, освѣщался огнемъ Николаевской батареи. Большое пламя стояло, казалось, надъ водой на далекомъ мыску Александровской батареи и освѣщало низъ облака дыма, стоявшаго надъ нимъ, и тѣ же, какъ и вчера, спокойные, дерзкіе, далекіе огни блестѣли на морѣ на непріятельскомъ флотѣ. Свѣжій вѣтеръ колыхалъ бухту.

„При свѣтѣ заревовъ пожаровъ видны были мачты нашихъ утопающихъ кораблей, которые медленно глубже и глубже уходили въ воду. Говора не слышно было на палубѣ: только изъ-за равномѣрнаго звука разрѣзанныхъ волнъ и пара слышно было, какъ лошади фыркали и топали ногами на шаландѣ, слышны были командныя слова капитана и стоны раненыхъ.

— Вишь, и наши казармы подожгли,—сказалъ солдатъ, вздыхая:—и сколько тамъ нашего брата пропало; а ни за что французу досталось!

— По крайности, сами живые вышли, и то—славà те, Господи! отвѣтилъ другой.

— А все обидно!

— Да что обидно-то? Развѣ онъ тутъ разгуляется! Какъ же! Гляди, наши опять отберутъ. Ужъ сколько бы нашего брата ни пропало, а, какъ Богъ святъ, велитъ Императоръ — и отберутъ. Развѣ наши такъ оставятъ ему? Какъ же! на вотъ тебѣ голыя стѣны; а шанцы то всѣ повзорвали.... Небось свой значокъ на курганѣ поставилъ, а въ городъ не суется. Погоди, еще расчетъ съ тобою будетъ настоящій — дай срокъ, — заключилъ онъ, обращаясь къ французамъ.

— Извѣстно, будетъ!—сказалъ другой съ убѣжденіемъ.

„По всей линіи Севастопольскихъ бастіоновъ, столь-

ко мѣсяцевъ кипѣвшихъ необыкновенною энергическою жизнью, столько мѣсяцевъ видѣвшихъ смѣняемыхъ смертью, однихъ за другими умирающихъ героевъ, и столько мѣсяцевъ возбуждавшихъ страхъ, ненависть и, наконецъ, восхищеніе враговъ, —на Севастопольскихъ бастіонахъ уже нигдѣ никого не было. Все было мертво, дико, ужасно, но не тихо: все еще разрушалось. По изрытой свѣжими взрывами обсыпавшейся землѣ вездѣ валялись исковерканные лафеты, придавившіе человѣческіе русскіе и вражескіе трупы, тяжелыя, замолкнувшія навсегда чугунныя пушки, страшною силой сброшенныя въ ямы и до половины засыпанныя землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревенъ, блиндажей, и опять молчаливые трупы въ сѣрыхъ и синихъ шинеляхъ. Все это часто содрогалось еще и освѣщалось багровымъ пламенемъ взрывовъ, продолжавшихъ потрясать воздухъ.

„Враги видѣли, что что-то непонятное творились въ грозномъ Севастополѣ. Взрывы эти и мертвое молчаніе на бастіонахъ заставляли ихъ содрогаться; но они не смѣли вѣрить еще, подъ вліяніемъ сильнаго, спокойнаго отпора дня, чтобы исчезъ ихъ непоколебимый врагъ, и, молча, не шевелясь, съ трепетомъ ожидали конца мрачной ночи.

„Севастопольское войско, какъ море въ зыбливую мрачную ночь, сливаясь, разливаясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты, по мосту и на сѣверной, медленно двигалось въ непроницаемой темнотѣ прочь отъ мѣста, на которомъ столько оно оставило храбрыхъ братьевъ, — отъ мѣста, всего облитаго его кровью, — отъ мѣста, 11 мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое сильнѣйшаго врага и которое теперь велѣно было оставить безъ боя.

„Непонятно тяжело было для всякаго русскаго первое впечатлѣніе этого приказанія. Второе чувство было

страхъ преслѣдованія. Люди чувствовали себя беззащитными, какъ только оставили тѣ мѣста, на которыхъ привыкли драться, и тревожно толпились во мракѣ у входа моста, который качалъ сильный вѣтеръ. Сталкиваясь штыками и толпясь полками, экипажами и ополченіями, жалась пѣхота, проталкивались конные офицеры съ приказаніями, плакали и умоляли жители и деньщики съ поклажею, которую не пропускали; шумя колесами, пробивалась къ бухтѣ артиллерія, торопившаяся убираться. Несмотря на увлеченіе разнородными суетливыми занятіями, чувство самоохраненія и желанія выбраться какъ можно поскорѣе изъ этого страшнаго мѣста смерти—присутствовало въ душѣ каждаго. Это чувство было: и у смертельно раненаго солдата, лежащаго между пятью стами такихъ же раненыхъ, на каменномъ полу Павловской набережной, и просящаго Бога о смерти, и у ополченца, изъ послѣднихъ силъ втиснувшагося въ плотную толпу, чтобы дать дорогу проѣзжающему верхомъ генералу; и у генерала, твердо распоряжающагося переправой и удерживающаго торопливость солдатъ; и у матроса, попавшаго въ движущійся батальонъ, до лишенія дыханія сдавленнаго колеблющеюся толпой; и у раненаго офицера, котораго на носилкахъ несли четыре солдата и, остановленные спершимся народомъ, положили наземь у Николаевской батареи; и у артиллериста, 16 лѣтъ служившаго при своемъ орудіи и, по непонятному для него приказанію начальства, сталкивающаго орудіе, съ помощью товарищей, съ крутого берега въ бухту; и у флотскихъ, только что выбившихъ закладки въ корабляхъ и, бойко гребя на баркасахъ, отплывающихъ отъ нихъ. Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдатъ снималъ шапку и крестился. Но за этимъ чувствомъ было другое, тяжелое, сосущее и болѣе глубокое чувство, какъ-будто похожее на раска-

яніе, стыдъ и злобу. Почти каждый солдатъ, взглянувъ съ Сѣверной стороны на оставленный Севастополь, съ невыразимой горечью въ сердцѣ вздыхалъ и грозился врагамъ".

Эпопея обороны Севастополя кончилась. Въ высочайшемъ приказѣ по россійскимъ арміямъ было сказано: „Есть невозможное и для героевъ".

Южная сторона была очищена, принялись за укрѣпленіе Сѣверной. Непріятель поставилъ батареи и сталъ бомбардировать Сѣверную сторону, не принося значительнаго вреда.

Вѣсть о паденіи Севастополя была страшнымъ ударомъ для всей Россіи; его не ожидали въ виду распускаемыхъ слуховъ о неприступности Севастополя. Всѣ пришли въ ужасъ и въ первое время никакъ не могли разобраться въ столь непредвидѣнномъ поворотѣ въ судьбахъ Россіи. Воинственные патріоты требовали, чтобы война продолжалась до послѣдней капли крови, но были люди, которые думали иначе и понимали, какія причины вызвали погромъ. Они указывали на необходимость излѣчить внутренними средствами раны, нанесенныя Россіи этой несчастной войною.

Въ октябрѣ государь Александръ II лично посѣтилъ Севастополь и благодарилъ солдатъ. Съ глубокой грустью смотрѣлъ онъ на поле братскихъ могилъ, окружавшее разрушенный городъ. Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но все еще памятны эти ужасные дни, какъ будутъ памятны тѣ, которые переживала Россія, оплакивая смерть погибавшихъ въ Манчжуріи такихъ же храбрецовъ. Да, ужасная вещь война!

XXI.

Объявленіе мира и послѣдующія событія.

Война ужасна не только потому, что гибнутъ дорогія жизни, но еще и потому, что она нарушаетъ правильное теченіе культурнаго труда, останавливаетъ ходъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ и въ то же время уноситъ громадныя суммы денегъ, которыя растрачиваются на порохъ и снаряды и на другія военныя надобности.

Печальны для Россіи послѣдствія Крымской компаніи,—впрочемъ не для одной Россіи: они отразились и на жизни европейскихъ государствъ.

Съ паденіемъ Севастополя самолюбіе французовъ было удовлетворено и Наполеонъ III былъ не прочь начать переговоры о мирѣ. Понемногу и другія державы начали вырабатывать условія, при которыхъ, по ихъ мнѣнію, возможно достигнуть соглашенія. Больше всѣхъ упиралась Англія. Россія прислушивалась къ тѣмъ переговорамъ, которые происходили между западными государствами, и хотя болѣе другихъ нуждалась въ мирѣ, но боялась, что отъ нея потребуютъ жертвъ, несогласныхъ съ достоинствомъ страны. Продолжать войну, по мнѣнію министровъ, было тоже весьма опасно, при малыхъ надеждахъ на успѣшный ея исходъ. Графъ Киселевъ откровенно высказывалъ свой взглядъ на положеніе Россіи; она нуждалась въ средствахъ и не могла разсчитывать пріобрѣсти себѣ союзника. Даже нейтральныя державы скорѣе готовы были перейти на сторону ея противниковъ. Существовалъ недостатокъ въ оружіи и припасахъ. Хотя русскій народъ и доказалъ свою способность умирать за отечество и впредь былъ готовъ принести жерт-

вы, но для достиженія побѣды этого еще было недостаточно. Графъ Блудовъ, который громче всѣхъ высказывался противъ мира, и тотъ въ концѣ концевъ со слезами на глазахъ произнесъ: „Если мы не умѣемъ вести войну, то заключимъ миръ“.

Тогда было рѣшено принять предварительныя условія, сообщенныя Австріей, послѣ чего въ Парижѣ собрались представители отъ семи державъ, уполномоченные выработать окончательныя условія мира, которыя и были подписаны 18 марта 1856 года. На основаніи этихъ условій Турція была принята въ семью европейскихъ державъ, обязавшихся сообща охранять ея цѣлость. Султанъ, хотя и сообщилъ державамъ изданный имъ фирманъ, улучшающій участь христіанскихъ его подданныхъ, но договаривающіяся стороны, „признавъ высокое значеніе этого сообщенія“, постановили, что оно не даетъ имъ права ни въ какомъ случаѣ, ни единолично, ни совокупно, вмѣшиваться въ отношенія султана къ его подданнымъ или во внутреннее управленіе его имперіей. (Впослѣдствіи въ виду жестокостей, совершаемыхъ надъ христіанскимъ населеніемъ, Россіи вновь пришлось за него заступиться, что и вызвало кампанію 1877 года и новыя кровавыя жертвы).

Черное море было объявлено нейтральнымъ, открытымъ для плаванія торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Для обезпеченія этого условія Россія уступала часть Бессарабіи, которую присоединили къ Молдавскому княжеству. 19 марта появился Высочайшій манифестъ, въ которомъ государь благодарилъ войско и народъ за понесенныя жертвы. Въ концѣ манифеста, онъ говоритъ: „Правда и милость да царствуетъ въ судахъ; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ,

равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ“.

Общество не замедлило откликнуться на этотъ призывъ; чувствуя свой долгъ передъ народомъ, оно горячо принялось за дѣло народнаго образованія. Всюду неслись слухи о скоромъ освобожденіи крестьянъ, принятые съ восторгомъ лучшими представителями общественнаго мнѣнія и съ неудовольствіемъ охранителями старины, привыкшими къ безконтрольному праву распоряжаться надъ трудами и жизнью своихъ рабовъ. Въ это время Россія точно проснулась отъ летаргическаго сна и начала расправлять свои окоченѣвшіе члены. Прежнее теченіе жизни было нарушено и не могло уже повториться—дорога къ прошлому закрылась. Наступилъ историческій моментъ, требовавшій перехода на иной путь. Пробудилась мысль, которая рѣшительно принялась разбираться въ прошломъ, строго критикуя все, что мѣшало благосостоянію Россіи. Всѣ начинаютъ открыто говорить о необходимости преобразованій.

Это настроеніе прекрасно передано въ стихотвореніи И. Аксакова.

День встаетъ, багрянъ и пышенъ;
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно, прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ стекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ,
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья.
Въ безвременности могилъ.

Литература быстро начала развиваться и расти и остановить ея ростъ уже не могли карательныя мѣры.

Мысль заколыхалась, дрогнула и принялась за работу. Задачи ея были громадныя, такъ какъ рѣшалась судьба будущихъ поколѣній, назрѣвали новыя реформы. Старое и новое открыло ожесточенную борьбу.

Борьба эта отразилась и на подготовительныхъ работахъ по крестьянской реформѣ, къ которой подступали очень осторожно. Темныя силы предсказывали всевозможныя затрудненія и зловѣще указывали на опасности. Надо было много твердости, чтобы всетаки провести реформу, и въ этомъ помогала литература, не перестававшая указывать на темныя стороны народной жизни. Появились обличительныя статьи, указывавшія на дѣйствія администраціи, на существующія злоупотребленія. Открывшіеся недобросовѣстные поступки по продовольствію арміи заставили назначить комиссію для разслѣдованія крупныхъ хищеній. Литература не переставала вести борьбу съ общественнымъ зломъ, вызывая негодованіе администраціи, которая чувствовала себя очень неловко, когда съ нее сняли покровъ таинственности. Цензора получили приказъ быть осмотрительнѣе въ пропускѣ статей, которыя, по мнѣнію властей, дѣлаютъ изъ журналовъ какую-то уголовную палату, а изъ всѣхъ чиновниковъ и администраторовъ безъ разбора лицъ — „подсудимыхъ журнальному суду". Очевидно роли перемѣнились и свободное слово начало пробивать себѣ дорогу, хотя и покрытую терніями, но все же ведущую къ раскрытію истины.

Больше всего общественное мнѣніе, конечно, занималъ крестьянскій вопросъ; о немъ говорили и въ столицахъ, и въ глухой провинціи, гдѣ помѣщики озабоченно перешептывались и не въ шутку думали, что наступили „послѣднія времена". Ко времени вступленія на престолъ Александра II двадцать два милліона душъ крестьянъ являлись полною собственностью ста тысячъ дворянъ помѣщиковъ, которые распоряжались судьбою крестьянъ по своему усмотрѣнію и

обращались съ ними крайне жестоко. Особенно скверное было положеніе дворовыхъ людей, всецѣло обреченныхъ исполнять прихоти помѣщика, не пользуясь ни землей и никакими правами. 30 марта 1856 г. государь заявилъ представителямъ дворянства, что „существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать освобожденіе крестьянъ сверху, чѣмъ дожидаться, что оно само возникнетъ снизу". Эти слова твердо выражали волю государя и въ началѣ слѣдующаго года былъ учрежденъ комитетъ (секретный) для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи. Но государь былъ недоволенъ медленными работами комитета и назначилъ 15 іюля 1857 года въ члены комитета своего брата, Константина Николаевича. Дворянамъ было разрѣшено учредить тоже комитеты для составленія проектовъ объ улучшеніи участи крестьянъ. Въ 1858 г. секретный комитетъ былъ преобразованъ въ главный комитетъ, который составилъ программы для занятій губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, труды которыхъ затѣмъ поступали въ редакціонныя комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева. Сложные труды по освобожденію крестьянъ не могли производиться такъ успѣшно, какъ этого желалъ государь, а между тѣмъ толки въ обществѣ все усиливались и вызывали неблагопріятное броженіе. Находились люди, которые истолковывали это броженіе въ неблагопріятномъ смыслѣ и старались всѣми способами затормозить, остановить желательное окончаніе. Это отразилось и на взглядахъ членовъ комиссій и многое было осуществлено не такъ, какъ предполагалось сначала. Такія колебанія, конечно, не помогали успокоенію общества, которое крайне чутко относилось къ ожидаемой съ нетерпѣніемъ реформы.

Редакціонныя комиссіи начали свои засѣданія 4-го марта 1859 года. Приходилось бороться съ жела-

ніемъ многихъ помѣщиковъ освободить крестьянъ безъ земли. Но противъ этого возсталъ государь, зная, какъ печальна была участь остзейскихъ крестьянъ, освобожденныхъ безъ земельнаго надѣла. Обращаясь къ дворянамъ, государь говорилъ имъ, что безъ жертвы съ ихъ стороны обойтись не можетъ, но онъ надѣется, что эти жертвы будутъ принесены для блага родины.

Только 10-го октября 1860 г. редакціонныя комиссіи окончили свои занятія и все выработанное ими было передано въ главный комитетъ, а затѣмъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Въ своей рѣчи, обращенной къ присутствующимъ въ государственномъ совѣтѣ, 28 января 1861 года, государь высказалъ, что не считаетъ возможнымъ далѣе откладывать рѣшеніе этого дѣла и требуетъ, чтобы всѣ работы были кончены къ половинѣ февраля. Четыре года тянулось рѣшеніе и дальше медлить было нельзя.

19 февраля 1861 года наступила наконецъ желанная новая эпоха въ жизни русскаго народа; былъ изданъ манифестъ, въ силу котораго крестьяне освобождались отъ крѣпостной зависимости. Манифестъ оканчивается извѣстными словами:

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Земля, которую крестьяне столько лѣтъ обрабатывали въ потѣ лица своего, сдѣлалась ихъ собственностью; они получили право повсемѣстнаго жительства, право свободнаго воспитанія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, право производить торговлю, содержать фабрики и заводы, записываться въ цехи, вступать въ гильдіи.

Высочайшій манифестъ былъ обнародованъ въ Петербургѣ и Москвѣ 5 марта, а въ прочихъ городахъ отъ

7 марта по 2 апрѣля. Крестьяне встрѣтили вѣсть о свободѣ съ благоговѣйнымъ восторгомъ и вездѣ служили благодарственные молебны. Въ Петербургѣ толпы народа привѣтствовали Александра II и громко выражали ему свою благодарность. Эти минуты вознаградили царя за всѣ его труды и заботы по устройству быта крестьянъ на болѣе гуманныхъ началахъ.

Такимъ образомъ Севастополь, въ защиту котораго русскій народъ пролилъ столько крови и отдалъ столько жизней, зажегъ надъ русской землею новую зарю, свѣтлую зарю свободы! Вспомнимъ и мы память народныхъ героевъ, безропотно выносившихъ и трудъ и невзгоды, и пожелаемъ, чтобы скорѣе наступило и для насъ лучшее свѣтлое будущее всеобщаго братскаго мира и единенія народовъ. направленнаго къ созданію возможнаго на землѣ счастья: торжества справедливости, правды и права... Закончимъ этотъ очеркъ словами поэта К. Аксакова, горячо любившаго русскій народъ:

Съ народомъ лишь взойдетъ свобода зрѣло,
Могущественъ народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло,
И путь его державенъ и великъ.

———

Сочиненія, послужившія пособіемъ при составленіи книги: „Севастополь и его оборона“.

Э. Тотлебенъ. Оборона Севастополя.

Н. Дубровинъ. Трехсотсорока-девяти-дневная защита Севастополя.

П. Алябинъ. Походныя записки.

С. Татищевъ. Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе.

И. С. Аксаковъ. Письма 1851—1860 гг.

М. Погодинъ. Историко-политическія письма и записки въ продолженіи Крымской войны.

А. Сафоновъ. Царствованіе Императора Александра II.

Л. Н. Толстой. Севастопольскіе разсказы.

М. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры.

С Татищевъ. Внѣшняя политика Императора Николая I.

Ч. Вѣтринскій. Т. Н. Грановскій и его время.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАРТА
ОКРЕСТНОСТЕЙ
Г. СЕВАСТОПОЛЯ.
Масштабъ
въ Англiйскомъ дюймѣ 2 версты.
Бельбекъ
р. Бельбекъ
Сѣверн. Укрѣпленiе
Башня Волохова
Севастополь
Мекензiевы высоты
р. Черная
Сапунъ гора
Трактиръ
Телеграфная гора
Федюхины выс
Семякины выс
Гасфорта гора
Чоргунъ
Кадыкiой
Камары
Мон. Св. Георгiя
Карани
Балаклава

ПЛАНЪ СЕВАСТОПОЛЯ И ЕГО УКРѢПЛЕНІЙ.

Волохова башня
Сѣверное укрѣпленіе
Бат. Карташевскаго
Михайловская батарея
Сѣверная пристань
Батар. № 4
Двѣнадцати-Апостольская батарея
Парижская батарея
Море
Севастопольскій рейдъ или Большая бухта
Александровская батар.
№ 10
№ 8
7 баст.
Николаевская батар.
Павловская батарея
Корабельная сторона
Севасто поль
6 баст.
5 баст.
4 баст.
3 баст.
2 баст.
Шварца ред.
Камчатскій редутъ
Докъ
10 апреля
Бастіонъ
Корабельная слободка
Лазаретная
Карантинная бухта

...олгихъ и короткихъ (греческій), въ с...
...*гласныхъ буквъ* совсѣмъ не имѣется, и...
...нѣ въ употребленіи гласная *пунктуація*...
...тельно уже очень недавнимъ изобрѣте...
...ется она тоже рѣдко, обыкновенно только...
... печатной Библіи; даже элементарные...
...домъ пишутся и печатаются безъ пунк...
...ина этому явленію, по моему, та, что в...
...же простая перемѣна гласной безъ вся...
...ыхъ согласныхъ очень часто уже совер...

...ели арабской *пунктирной* системы различал...
...въ арабскомъ языкѣ имѣется всего три діа...
...ного звука *а*, *Kesre* для верхнихъ тонов...
...овъ *о* и *у*.

...употреблялись гласныя букв...
такъ сильно разнообр...
къ запутанности и...
[2]. Для иллюстраціи во...
оставляя неизмѣнны...
...» и измѣняя толь...
...слѣдующія формы.

קָטֹל — Katol
קְטֹל — K'tol
קָטַל — Katal
קָטְלוּ — Katlu
קִטְלוּ — Kitlu
קְטוֹל — K'tol
קִטְלִי — Kitli

1р. 20к